

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

ВИКТОР
ИУТИН

ОПРИЧНОЕ ЦАРСТВО

Россия державная

Виктор Иутин

Опричное царство

«ВЕЧЕ»

2020

Иутин В. А.

Опричное царство / В. А. Иутин — «ВЕЧЕ», 2020 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-8210-6

Русское царство середины XVI века. Первоначальные успехи правления Иоанна Грозного сменяются неудачами. Страна отрезана от западного мира, истощена затянувшейся Ливонской войной и ежегодными татарскими набегами. Единство русских земель находится под угрозой, пока сильна боярская власть, а государством управляют взяточники. Как удержать то, что с таким трудом собиралось веками? Опричнина, созданная во имя спасения державы, станет символом одного из самых мрачных и кровавых периодов русской истории. Где грань между свершением «божественного правосудия» и безумием? Эта книга является продолжением романа «Кровавый скипетр», ранее опубликованного в этой же серии.

ISBN 978-5-4484-8210-6

© Иутин В. А., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Виктор Александрович Иутин

Опричное царство

Действующие лица

РЮРИКОВИЧИ

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ – царь и великий князь всея Руси
его сыновья: царевич Иван, царевич Федор

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – князь угличский, брат Ивана IV

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ – князь старицкий, двоюродный брат Ивана IV
его дети: Василий, Евфимия (от первого брака)
Мария, Евдокия, Анастасия, Юрий, Иван (от второго брака)

Прочие представители царской семьи:

МАРИЯ ТЕМРЮКОВНА ЧЕРКАССКАЯ – вторая жена Ивана IV, кабардинская княжна

МАРФА ВАСИЛЬЕВНА СОБАКИНА – третья жена Ивана IV

АННА АЛЕКСЕЕВНА КОЛТОВСКАЯ – четвертая жена Ивана IV

ЕВДОКИЯ БОГДАНОВНА САБУРОВА – первая жена царевича Ивана

ЕФРОСИНЯ АНДРЕЕВНА ХОВАНСКАЯ – мать старицкого князя Владимира

ИУЛИАНИЯ ДМИТРИЕВНА ПАЛЕЦКАЯ – жена угличского князя Юрия

ЕВДОКИЯ РОМАНОВНА ОДОЕВСКАЯ – вторая жена старицкого князя Владимира

Князья ШУЙСКИЕ

Старшая ветвь:

ПЕТР ИВАНОВИЧ – боярин, воевода, герой казанских походов и Ливонской войны
его сыновья:

ИВАН ПЕТРОВИЧ – боярин, воевода

НИКИТА ПЕТРОВИЧ

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА – двоюродная сестра П. И., жена князя И. Д. Бельского

Младшая ветвь:

ИВАН АНДРЕЕВИЧ – боярин, воевода, опричник

Ветвь Горбатых-Шуйских:

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – глава Боярской думы

его дети:

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – супруга князя И. Ф. Мстиславского

ЕВДОКИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – супруга боярина Н. Р. Захарьина

Князья БЕЛЬСКИЕ

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ БЕЛЬСКИЙ – глава Земской боярской думы, воевода
его сестры:

АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА – жена боярина В. М. Захарьина

ЕВДОКИЯ ДМИТРИЕВНА – жена боярина М. Я. Морозова

Князья СИЦКИЕ

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ – воевода, опричник

его дети: Юрий, Конон, Василий, Федор – опричники

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА – жена опричника Ф. А. Басманова

ЗАХАРЬИНЫ

ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ – боярин, воевода, советник царя

жена: Анна; *дети:* Федор, Анна, Иван

НИКИТА РОМАНОВИЧ – земский боярин, воевода, брат Д. Р. Захарьина

его сын: Федор

АННА РОМАНОВНА – сестра Н. Р., Д. Р. Захарьиных, жена В. А. Сицкого

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ – опричный боярин, двоюродный брат Н. Р., Д. Р. Захарь-
ных

его дети: Протасий, Федор, Иван – опричники

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА – жена Михаила Темрюковича Черкасского

Ветвь Яковлевых:

ИВАН ПЕТРОВИЧ – окольничий, опричный боярин, воевода

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ – опричный боярин, воевода

БАСМАНОВЫ

АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВИЧ – глава опричнины, боярин, воевода, советник царя

его сын:

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ – опричник, воевода, фаворит царя

ШЕРЕМЕТЕВЫ

Братья:

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БОЛЬШОЙ

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МЕНЬШОЙ

НИКИТА ВАСИЛЬЕВИЧ

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ

ДУХОВЕНСТВО

МАКАРИЙ – митрополит (1542–1563)

АФАНАСИЙ – митрополит (1564–1566), бывший духовник царя

ФИЛИПП – игумен Соловецкого монастыря, митрополит (1566–1568)

КИРИЛЛ – митрополит (1568–1572)

ПИМЕН – архиепископ Новгородский, союзник Басмановых

ГЕРМАН – архиепископ Казанский

ИОВ – игумен Старицкого Успенского монастыря, ученик и последователь Германа

ПАИСИЙ – игумен Соловецкого монастыря, ученик и последователь Филиппа

КОРНИЛИЙ – игумен Псково-Печерского монастыря

ВАССИАН (МУРОМЦЕВ) – монах, помощник Корнилия

ПАФНУТИЙ – епископ Суздальский

ЕВСТАФИЙ – духовник царя

БОЯРЕ, ВОЕВОДЫ

ИВАН ФЕДОРОВИЧ МСТИСЛАВСКИЙ – князь, глава Думы, земский боярин

ИВАН ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЯДНИН – глава Думы, земский боярин

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КУРБСКИЙ – князь, воевода, боярин (бежал в 1564 г.)

МАЛЮТА СКУРАТОВ-БЕЛЬСКИЙ – опричник, палач, любимец государя

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ХВОРОСТИНИН – князь, воевода, опричник

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ – князь, глава Думы, земский боярин

ПЕТР ИВАНОВИЧ ЩЕНЯТЕВ – князь, герой казанских походов и Ливонской войны

ИВАН ИВАНОВИЧ ПРОНСКИЙ – князь, земский боярин

БОРИС ХЛЫЗНЕВ-КОЛЫЧЕВ – воевода (бежал в 1562 г.)

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МОРОЗОВ – земский боярин, воевода

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ХИЛКОВ – князь, воевода, герой казанских походов

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ РЕПНИН – князь, боярин, воевода, герой Ливонской войны

ВАСИЛИЙ ЮРЬЕВИЧ ГОЛИЦЫН – князь, воевода

ОПРИЧНИНА

АФАНАСИЙ ИВАНОВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ – князь, советник царя, союзник Басмановых

МАЛЮТА СКУРАТОВ (Г. Л. Бельский) – палач, фаворит и советник царя

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ГОДУНОВ – придворный, приближенный царя

МИХАИЛ ТЕМРЮКОВИЧ ЧЕРКАССКИЙ – князь, боярин, воевода, шурин царя

ВАСИЛИЙ ГРЯЗНОЙ – опричный голова, любимец царя

ПРОЧИЕ

ДЕВЛЕТ-ГИРЕЙ – крымский хан

МАГНУС – датский принц, герцог Эзельских островов

НИКОЛАЙ РАДЗИВИЛЛ – канцлер великий литовский

ГРИГОРИЙ ХОДКЕВИЧ – великий гетман литовский

САИН-БУЛАТ – касимовский хан на службе у царя

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ВИСКОВАТЫЙ – дьяк, глава Посольского приказа

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЩЕЛКАЛОВ – дьяк, глава Посольского приказа
АРНУЛЬФ – иностранец, царский лекарь
БОМЕЛИУС – иностранец, царский лекарь
МИХАИЛ ЧЕРКАШЕНИН – атаман донских казаков
ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ – слуга князя А. М. Курбского
НИКИТА ФУНИКОВ – казначей

Часть первая

Предтеча

Глава 1

В богатом тереме боярина Александра Горбатого-Шуйского с самого утра была суматоха – ожидали знатных гостей. Бабы уже подмели и вымыли дом, протерли от пыли всю утварь, а в светлице стоял длинный широкий стол, укрытый цветной узорчатой скатертью. Стол пока пустовал, как и четыре резных кресла рядом. Ждала своего часа серебряная посуда, хранящаяся в металлических ларцах, ждали приготовленные и оттертые до блеска чарки, ковши, двузубые вилки и ножи с эмалированными черенками.

В задумчивости боярин Александр Борисович хаживал по своему терему, подметая ковры полами длинного домашнего кафтана. С тех пор, как выдал замуж всех дочерей, как умерла жена, дом опустел, будто ушла сама жизнь, полная красок, оставив лишь тишину горниц в тереме старого князя. Молодая девка с длинной русой косой, пряча глаза, выпорхнула из светлицы, где стоял стол – видать, посуду доставала из ларцов. Боярин уже давно ощущал, что перестал заглядываться на женщин. В былые годы ни одну мимо себя не мог пропустить, бедная супруга знала о том, но смиренно молчала. Прости, голубушка!

Над столом в красном углу стояли старинные семейные иконы в серебряных и золотых окладах. Тускло поблескивала лампадка. Вглядываясь в лики святых, князь трижды широко перекрестился. Какие-то иконы он помнил с детства, другие уже принес в этот угол он сам. Одна из икон, как говорила матушка, принадлежала прадеду. Когда-то, более века назад, он поддержал Василия Темного в борьбе за московский стол и был в почете. Ныне правнук Василия Темного, нынешний государь, всеми силами борется с боярскими семьями, помогавшими его дедам удержать за собой Москву – справедливо ли это? Боярин унял всколыхнувшуюся было внутри ярость и стал осматривать разложенную на столе богатую посуду. Почти вся подписана и напоминает о заслугах и военных победах князя и его семьи. Да только что с того, коли у власти другие, недостойные ее ни по происхождению, ни по заслугам!

Перед приездом гостей князь переоделся в парадный кафтан, отороченный соболем, шитый серебром и золотом, обул остроносые червленые сапоги с камнями, расчесал и уложил пышную пепельную бороду. Не менее пышно и богато был одет и его молодой сын Петр, также вышедший встречать гостей.

Первым прибыл Иван Дмитриевич Бельский, один из самых знатных людей в государстве. Темно-красного бархата кафтан, распахнутый опашень из соболя, пояс с рубинами и жемчугами, тяжелая сабля в богатых ножнах, шитые шелками сапоги – так был одет этот зрелый, крепкий муж, сын Дмитрия Федоровича Бельского, долгие годы возглавлявшего Боярскую думу, троюродный племянник царя, потомок знатного рода Гедиминовичей. Слуга поймал сброшенный с его плеч опашень. Александр Борисович и его сын троекратно поцеловались с гостем и пригласили в дом.

Следом, чуть задержавшись, прибыл еще один могущественный и знатный князь – Иван Мстиславский, в великолепном лисьем опашне, с серебряными наручами на рукавах зеленого бархата ферязи. Пояс и сафьяновые сапоги также переливались блеском различных бесценных камней...

Иван Федорович был женат на дочери Горбатого-Шуйского, потому Александр Борисович с особой теплотой поприветствовал зятя, спросил, как поживает Ирина и внуки, в частности интересовался Федюшкой, старшим из детей Мстиславского. После приветствия князя

уселись за пышно накрытый стол. Рядом с отцом сидел и отрок Петр, последний мужчина в роду Горбатов-Шуйских. Александр Борисович с недавних пор всюду берет его с собой, готовя к грядущей службе.

Стол и вправду был богат – тут и щучьи супы, и лебеди запеченные, и осетры с икрой, фаршированные капустой и яблоками зайцы, различный мед, вина. Но застолье не было праздничным – собрались именитые бояре, дабы обсудить сложившуюся в государстве ситуацию.

Недавно Иван Дмитриевич пережил опалу и с тех пор лишился своего могущества. Дело в том, что польский король звал Бельского на его «отчину», напомнив, что дед князя был выходцем из Литвы, да еще и потомком Гедимины, а значит, был в родстве с королем Сигизмундом. Иван Дмитриевич, расценив обстановку при дворе, решился ехать, но царю стало известно об этом раньше. От смерти князя спасли заступничество митрополита и боярская порука – за него внесли десять тысяч рублей, немыслимую сумму. Знатные вельможи с помощью денег спасали друг друга, ибо все они меж собой повязаны, а теперь, в силу обстоятельств, сплотились еще больше, и государю было все сложнее бороться с ними, знать это понимала, но воспринимала как должное. И думали они все, что так будет всегда.

– Дурные вести, – начал Мстиславский, – князя Курлятева с его семьей постригли в монахи. Никто и вступиться не смог.

– Всей семьей? Сроду не было такого на русской земле, чтобы разом весь род под корень! – оторопел возмущенно Горбатый-Шуйский. – Бывало, стригли главу рода со старшим сыном, преемником, но чтобы вот так, и дочерей, и жену... Беззаконие!

– Что нам с того? – вопрошал Бельский. – Покровитель Сильвестра...

– Пуцай так, – согласился Иван Федорович, – токмо в борьбе с Захарьиными он был бы полезен.

– Захарьины от врагов мигом избавляются! Данила Захарьин теперь всех, кто на его пути стоит, втаптывает безжалостно, силясь изничтожить! – недовольно протянул Александр Борисович, разрывая пальцами утку. Гнев переполнял его. После он затих, переводя шумное и частое дыхание.

Захарьины! Вот кому принадлежит истинная власть после отставки Сильвестра и Адашева! Вот кто стоит за великой кровью и расправами, учиненными над многими дворянскими родами, имеющими отношение к Адашеву! Вот кто посадил на места управленцев своих людей! Казначей Фуников – их человек! Дьяка Посольского приказа Висковатого купили, назначив его хранителем царской печати! Наследники, дети государя, полностью в их власти. В ближней думе у государя они и их родичи. Быстро, словно чумовое поветрие, оказались они всюду и уже без малого два года правят страной! Доколе будет сие?

– Князя Воротынские в опале, – продолжал Мстиславский. – Ну, их-то государь никогда не жаловал, остерегался. Вот и теперь, стоило Михаилу Воротынскому заявить о правах на свои наделы, тут же опала...

– Ничего, найдем тех, кто поруку за них заплатит, – сказал Бельский как о давно решенном деле.

– Суть не в том, что поручимся за них, – подался вперед старый князь, – а в том, что Михаил Воротынский, как только скончалась вдова его старшего брата, заявил о своих законных правах на эти земли, которые, по недавнему земельному уложению¹, проведенному государем, перешли в казну, а не разделились меж братьями.

Мстиславский и Бельский не пострадали от этого нового уложения, в отличие от Одоевских, Трубецких, Воротынских и многих других семей, указанных в уложении, но это было

¹ Земельное уложение 1562 года – закон, при котором воспрещалось княжатам продавать или обменивать родовые земли. Выморочные владения не разделялись между родственниками и не отдавались монастырям, а переходили в казну. Также государство отбирало земли, приобретенные вотчинниками в период малолетства Иоанна.

началом значительного ограничения боярства. Одной из причин попытки измены Бельского было как раз это уложение – никто не собирался мириться с этим.

– Государь затеял со знатью войну. Напрасно! Кто, кроме нас, способен поддержать его в столь трудное время? – с усмешкой проговорил князь Горбатый.

– Те, кем он себя окружает, – ответил Мстиславский, – Захарьины очень могущественны сейчас.

Александр Борисович с отвращением сплюнул. Бельский усмехнулся, поглядев на него.

– А ведь ты, Александр Борисович, родня им, дочь свою за Никиту Романовича выдал! – с ехидностью заметил Бельский. – Стало быть, незасорно тебе, Рюриковичу, с ними родниться, стало быть, величие их и значимость признаешь!

– А Петр Шуйский, сродный брат супруги твоей, – искоса взглянул Александр Борисович на Бельского (Мстиславский, насторожившись, застыл – речь шла о его родной сестре), – исправно служит, видный воевода, государь жалует его, хотя и не любит наш род, но все же он крепко стоит!

– В Думе влияния все одно у него нет! – В ответе Ивана Дмитриевича было слышно, что высказывание сие задело его за живое.

– Я тебе не о том! – раздраженно выговорил Горбатый-Шуйский. – Я толкую, что в грядущем походе на Литву тебе надобно проявить себя, дабы государь уверовал в тебя сызнова!

– Ведаю, – буркнул, опустив глаза, Бельский.

Александр Борисович откинулся в кресле, взглянул куда-то наверх перед собой, задумался, губы его чуть тронула грустная улыбка.

– Походы, – проговорил он будто о давней мечте, – стены Казани, резвый конь, степной ветер, горький запах травы... – И вдруг словно опомнился, опустил глаза: – Не годен я ни на что ныне...

– Горевать некогда, – вытирая пальцы о рушник, проговорил Бельский, – а тебе, Александр Борисович, и вовсе не к месту. Благодаря заслугам былым и имени своему можешь ты не на ратном поле против недругов бороться, но в Думе. А недруг у нас один – Данила Захарьин. Другие не страшны, ибо без него – никто. Не станет Данилки, не станет и Захарьиных. При Адашеве и Сильвестре много дворянских родов ко власти пробилось, скоро начнут считать себя подобными нам, родовитым князьям. Тому не бывать!

Мстиславский сидел, молчал, двигая челюстями. И ведь верно, иного выхода, кроме как бороться, нет. Ибо незаконно, как они считали, отбирали у них то, что принадлежало им по праву рождения – власть.

* * *

Холопы с раннего утра расчищали двор от снега. Ефросинья Андреевна, мать старицкого князя Владимира, ждала в гости сродного брата, Василия Федоровича Бороздина. Для этого она приказала накрыть стол в маленькой горнице, дабы ни одна душа не услышала их разговор. Даже невестке и внукам запретила выходить из своих покоев. Боялась ее вторая супруга сына, равно как и первая. Вскоре после того, как в Смутное время болезни государя не удалось Владимиру престол московский занять, отправила она его прежнюю жену, Евдокию Нагую, в монастырь. Вскоре женила сына на другой Евдокии, а об ушедшей в монастырь супруге велела забыть, хотя и оставила она Владимиру двоих детей – сына Василия и дочь Евфимию. Крепко полюбил Владимир новую супругу, благо уже четверых детей родила ему, теперь, видно, снова беременна.

Ефросинья была мрачна, черный вдовий плат укрывал ее голову. Она носила его с тех пор, как в темнице умерщвлен был ее муж Андрей Старицкий. Он был убит матерью Иоанна, и пусть змеи этой уж давно нет среди живых, к ее сыну, нынешнему государю, она испытывала

чувство неизгладимой ненависти и, кажется, мечтала отомстить сполна всему корню Елены Глинской. В жилах внуков ее, наследниках Иоанна, течёт и кровь Захарьиных, оттого ненависть ее к царевичам умножалась вдвое. Как мечтала она очистить государев двор от этой своры безродной! Это случится, когда сын ее станет царем. Господи, дай сил дожить до того!

Бороздин, как и обещал, прибыл с «тем самым человеком», который должен был отправиться в грядущий государев поход на Полоцк. Грузный, низкорослый, Василий Федорович взошел на крыльцо и, сняв шапку, троекратно поцеловался с сестрой, а затем представил ей своего спутника – высокого мужчину с жиденькой черной бородой и глубокими залысинами.

– Борис Хлызнев-Колычев, воевода в государевом войске.

Ефросинья учтиво кивнула в ответ и, поправив плат на голове, пригласила гостей в дом. Перекрестившись у образов, сели за стол. Наглухо закрылась дверь.

– Владимира нет, уехал в полк, – объявила Ефросинья, сидя во главе стола.

– Ведаем, – отмахнулся с безразличием Бороздин и тут же принялся за еду. Не скромничал и Хлызнев, жевал быстро, жадно. Ефросинья пристально изучала его, боясь, как бы не был он подосланным государевым лазутчиком.

– Да не сумуй, Ефросинья, – сказал Бороздин, угадывая мысли сестры, – не был бы я в нем уверен, не сидел бы он здесь! Уж поверь!

Но Хлызнев даже не обернулся – понимая, что речь идет о нем, он продолжал есть.

– Ну и как нынче государь к походу готовится? Кто идет? – деловито поинтересовалась Ефросинья, искоса глядя на гостя. Обычно бабам не следовало задавать подобные вопросы, но Хлызнев знал, что это за женщина, поэтому ответил с такой же деловитостью:

– Великое войско собирается. «Павлины» государь хочет везти...

– Пушки то, – пояснил Бороздин.

– На кой мне пушки ваши? – с гневом спросила княгиня. – Кто в поход собирается, поведайте!

– Князя Бельский, Мстиславский, Шуйский, Серебряный, Щенятев, Курбский, братья Шереметевы, – перечислял Хлызнев, – татарские царевичи, ногайские...

– А из Захарьиных есть кто? – с блеском в глазах спросила Ефросинья.

– Только лишь родня их – Яковлевы, Горенские, Телятевские. Все в свите государевой. Подле него и Михаил Темрюкович, брат царицы...

– Царицы, – протянула Ефросинья, и в лице ее явно читалось презрение. Царь год назад женился на Марии Темрюковне, дочери кабардинского князя. О ней всякое говорили. Черно-волосая красавица с хищным взглядом и злобной улыбкой мало походила на добродушную и мягкую покойницу Анастасию. Всем видом своим выражавшая похоть, царица Мария с упоеанием улавливала каждый мужской взгляд, обращенный на ее сочное тело, и скалилась, сверкая своими черными глазами. Ефросинья, как и многие другие, считала ее дикаркой, недостойной быть русской православной царицей.

– Я слышала, эта дикарка еще и беременна, – со злобой проговорила Ефросинья, проведя пухлой морщинистой рукой по узорчатой скатерти.

– Все одно, кроме Владимира престол занять некому! – успокоил ее Бороздин.

– То дело еще не решенное! – отмахнулась княгиня и снова пристально взглянула на Хлызнева. – Ведаешь, зачем позвали?

Он безмолвно кивнул.

– Едва войско засобирается выступать, тотчас отправляйся в Литву, к самому гетману Радзивиллу, да доложи ему о том, что поход учиняется. Глядишь, успеет силы собрать. И потом доложи, что средь бояр есть друзья короля Сигизмунда. Когда Иоанна отобьет от Полоцка, скажи далее, что хотят бояре нового царя на стол посадить, и тогда...

Ефросинья остановилась, едва речь должна была зайти о городах, которые так хотела заполнить Литва. О том позже! Усмехнулась краем рта и взглянула на брата.

– Ежели случится большое сражение и царь погибнет, все будет намного проще. Москву возьмем сами и Захарьиных оттуда выбьем...

– Так полки наши все с Владимиром ушли, как же? И он сам... Как бы не погиб зря.

– Владимира я предупрежу.

– Уж больно слабовольный он у тебя, согласится ли?..

– Согласится! – перебила брата Ефросинья. – Что-то и ты слабость духа свою показывать начал! Забыл, видать, как братьев твоих судили вместе с еретиками восемь лет назад, а после в монахи постригли! Забыл, из-за кого?

Бороздин раскраснелся, помрачнел, опустил голову. Ефросинья, переведя свой тяжелый взгляд на Хлызнева, достала откуда-то из-под стола туго набитый звенящий кошель, бросила ему:

– Только часть. Ежели до конца дело доведем, столько же еще получишь.

Хлызнев кивнул и спрятал кошель за пазуху.

– Колычевым родня? Почему тогда решился на это?

– Дальняя родня, на седьмом киселе, – ответил Хлызнев, – государством не управляю, жены, детей нет, чего ж не сделать, коли платите!

«Так даже лучше. Добросовестнее сделает», – подумала княгиня и сказала холодно:

– Добро. Но знай, руки у меня длинные. Коли услышу, что предал нас, жить не дам и в Литве достану. Понял?

– Не предам, вот вам крест! – перекрестился Хлызнев, приподнявшись с места...

Владимир заехал вечером, не застал гостей. Когда хотел было направиться на сторону жены, мать перехватила его, окликнула. Владимир медленно подошел к ней, поклонился. С раннего детства и до сих пор трепетал он под властным взглядом матушки!

– Коли сражение великое начнется, ежели король Сигизмунд войско приведет, не бросайся в бой, воинов своих береги, заведомо отводи их сюда и жди.

«Только не это! Опять!» – подумал Владимир, бледнея, почувствовал тотчас, как ослабли колени, как заструился по спине пот. Ефросинья, пронзая его немигающим взглядом страшных глаз, положила руки на щеки сына, поднесла к своему лицу и расцеловала его, добавив:

– Доверься, сын. Даст Бог, пришло время!

И, развернувшись, медленной и твердой походкой начала удаляться. Владимир не знал, что она задумала, и оттого боялся еще больше. Девять лет назад он пошел на поводу у матери и отважился предать Иоанна, возглавил мятеж, когда царь был при смерти. Много воды утекло с тех пор, и нет больше таких теплых, дружеских взаимоотношений меж ним и царем, и Владимир чувствовал свою вину перед братом. Наказания никакого не последовало, но простит ли Иоанн вновь его?

В такие мгновения Владимир ненавидел свою мать. Ему не хотелось быть царем, Старицкое княжество вполне удовлетворяло его, и теперь, когда рядом любимая супруга, дети, мысли о царском престоле вовсе его не касались. Но у матери были на то свои планы, и Владимир все больше ощущал себя заложником материнской воли, против которой он никак не мог выступить.

* * *

Ни души на узких московских улочках. Ночь казалась темнее обычного. Была поздняя осень, и только выпавший рыхлый снег размыл дороги, утопил город в грязи. Бездомный пес, перебегая от одного дома к другому, что-то обнюхивал, затем остановился и начал пить воду из большой лужи. Звук приближающихся голосов насторожил пса, и он, будучи недоверчивым к людям, поспешил уйти. Показалась группа стрельцов, несших караул меж улицами.

– Тихо так, словно вымерли все, – проворчал один.

– Чего уж тихо! Зябко! Сейчас бы пожрать горячего варева, да под овчину завалиться, а лучше закопаться в солому, да с головой, – ответил другой и досадливо сплюнул.

– В солому... к бабе бы сейчас закопаться под подол! – сострил третий, и все они дружно загоготали. Казалось, спал весь город, оттого им было еще досаднее.

Но в ту ночь в царском дворце не спал еще один человек. На коленях пред иконами стоял сам государь российский, великий князь всея Руси Иоанн Васильевич. В поклоне лицом он был опущен к самому полу, затем поднялся, дабы перекреститься. С глазами, полными преданности и мольбы, смотрел он на образа. На лбу его уже виднелись красные пятна от ударов о пол.

– Мудрый ангеле и светлый, просвети ми мрачную мою душу своим светлым пришествием, да во свете теку во след тебе...

Кажется ему в такие мгновения, что душа его, словно птица, возносится над многострадальной русскою землею и, словно гордый ястреб, осматривает свои владения. Вот его царство, его вотчина, его дом, вверенная ему предками земля, благословленная Богом, последний православный оплот во всем мире. Один путь у царства этого – к единодержавию. Когда не с кем будет делить власть. Лишь тогда удастся сокрушить вечных врагов – Литву и Крым. Следовало скорее захватить Литву – это было необходимо, и Иоанн верил: король Сигизмунд – лишь узурпатор на принадлежащих по праву ему землях. Иоанн воспринимал это как должное, ибо Полоцк, равно как и Ливония, как и Киев – исконно русские земли, владения его предков. И теперь, когда водрузил он на себя царский венец, уравнив тем самым себя с римским императором, необходимо было вернуть то, что Русь утеряла в страшный период раздробленности и татарского ига. И родится великая славянская империя, простирающаяся от Константинополя до моря Балтийского, и потянется далее, на восток, где гудят тишиной дикие сибирские степи...

В то время когда Иоанн вынашивал все эти великие планы, мечтая стать повелителем всех славян и владетелем всех православных святынь, в Европе разгорались религиозные войны, которые утопят в крови весь этот «цивилизованный», «старый» мир. Война, кою затеял Иоанн против Литвы и Ливонии, тоже в какой-то степени религиозная, ибо один из поводов предстоящих походов на Литву – это «крестовый поход» против лютеранства, так ненавидимого русским царем. Но Европа пока не глядит в сторону незнакомой им полуазиатской страны, не считает нужным делать это, но Иоанн верит – однажды они не только будут бояться Русь, но и станут просить помощи!

Но как всего этого достичь, коли кругом одна измена? Бояре, привыкшие жить по старым дедовским укладам, не понимают своего царя, не представляют этого величия страны, ибо в величии этом не должно быть их власти. Богатство, земли, размеренная служба, собственная власть в своих владениях, независимая от царя, по-прежнему их единственные цели. Интересы великой державы разнятся с их интересами, и потому так легко, ежели обделены они вниманием государя и землями, предают Иоанна, уходят в Литву, сговариваются с татарами. И все царство состоит из этих владений, владений тех, кто готов предать в любую минуту. Уже Иоанн понимал, что без упразднения боярства крепкая и сильная Россия не родится, но в то же время еще слишком рано было для таких мощных перемен – боярство вросло, как кость, в систему управления государством, без него невозможно представить саму власть, равно как и без церкви.

Надлежало окружить себя менее знатными, но верными людьми. Однако власть развращает, потому и удалены были от двора Адашев и Сильвестр. Начиная строить с Иоанном новую Россию, они также предали его в трудный час, и этого он не смог им простить.

Перекрестившись, продолжил Иоанн:

– Запрети всем врагом, борющимся со мною. Сотвори их яко овец, и сокруши их яко прах пред лицом ветру, соблюди меня, грешника, от очию злых человек!

Надлежало все изменить. В корне. Он строит свое царство, новое царство. Царство православия и самодержавия. И уже предвидел, что придется пролить реки крови. И он был готов к тому.

Глава 2

– Эти чертовы прохвосты никогда не договорятся меж собой, никогда! – разражался криком великий литовский канцлер Николай Радзивилл. – Я должен быть в Литве, командовать войсками в столь опасное время, а я просиживаю свою задницу вместе с этими тупоголовыми баранами в Польше!

Он тяжело ступал по вычищенной от снега дорожке к крытым саням, поддерживая полы длинной медвежьей шубы. За ним, невольно наблюдая за неуверенным шагом канцлера, шагал молодой, талантливый посол Михаил Гарабурда. Они покидали очередное заседание литовской и польской знати, где стоял давний вопрос об их объединении в одно мощное государство, способное противостоять москвитам и шведам.

Наконец Радзивилл, кряхтя, взобрался в сани и стал поторапливать Михаила.

– Закройте к черту эти двери, холодно! Ух! – потирая руки, говорил канцлер. – Ладно. У меня здесь припрятана бутылка великолепного теплого вина.

Сани тронулись. Гарабурда следил, как канцлер толстыми пальцами откупоривал бутылку, вглядываясь в обрюзгшие черты заплывшего лица, характерные для тех, кто слишком много пьет.

– Как трясет-то! Не пролейте, – проговорил Радзивилл, протягивая Михаилу наполненный вином серебряный бокал. – Когда они уже осознают, поймут и примут, что если Литва и Польша объединятся, то шляхта заберет у нас все. Король бездействует, ждет, когда мы сами попросим об этом. Тому не бывать, пока я жив!

– В минуты сомнения вспомните о том, что благодаря нам двоим Ливония наша. – Гарабурда поднял бокал. – Ведь именно за нее мы и воюем! Я однажды спровоцировал безмозглого мужлана Кетлера на конфликт с Москвой, а вы одним росчерком своего пера сделали его подданным короля Сигизмунда! После подписания договора с вами в марте сего года Ливония уже стала нашей. Бескровно, заметьте!

– Но все бы ничего, если бы в нашу войну не влезала вся Европа...

– У Европы своя война, между гугенотами и католиками, им не до нас. А что касается Швеции и Дании – их однажды очень легко можно натравить на Москву, а после договориться с ними, возможно, уступить какие-то территории...

– Я был бы более рад нашим достижениям, если бы вся Ливония беспрекословно перешла под крыло Литвы. Новый король Швеции Эрик решил воспользоваться нашей войной с Россией и присвоить некоторые города Ливонии себе. Кажется, русский царь готов уступить ему некоторые города, в частности Ревель, лишь бы не вступать в войну с еще одним соседом. Но Литве нужна вся Ливония, поэтому у нас разгорается настоящий конфликт и со Швецией, что очень затруднит наше положение.

– Не умалчивайте о том, что англичане приложили руку к отношениям Швеции и России! – кивнув, произнес Гарабурда. – Всей Европе уже известно, что Англия привозит морем в Нарву оружие и припасы! Уже не раз германский император призывал королеву прекратить поставки, но, как знаете, она отвергла все обвинения! А после того как шведский король Эрик отдал Ивану Эзель с прилегающими землями, теперь и шведы свободно торгуют в Нарве. Нынче Швеция начала войну с Данией, и уже Москва поставляет английское оружие Швеции. Им есть чем с нами воевать! Еще немного, и Эрик с Иваном поделят между собой Ливонию!

– Царь Иван очень гибкий и хитрый, словно лиса. Каким бы тираном он ни был, он делает все возможное для возвышения своего государства. Необходимо натравить шведов против России. Благо датчане, у которых Эрик отобрал Габзаль и Леаль, вступили в войну с ними на нашей стороне, но трусливый датский король не желает воевать с Россией. И что мы видим? Уже полгода шведы и москвиты топчутся на наших землях, жгут и грабят все на своем пути! До

крупных городов они еще не добрались и не доберутся! – уверенно заявил Радзивилл, осушив бокал. – При московском дворе есть и мои шпионы, которые докладывают мне о бесчинствах, что творит этот тиран. К примеру тех, кто был близок к так называемому предателю Адашеву, он вырезал целыми семьями, отбирая их имения. Не щадит ни женщин, ни детей, словно они иноземные варвары. Тех, кого обходит стороной смертная казнь, отправляют в монастыри, но и там их настигает гибель. Московское боярство с надеждой смотрит в нашу сторону, и уже многие уезжали во владения короля Сигизмунда! Помню рассказы отца, когда на службу к Сигизмунду Старому пришел недовольный властью Елены Глинской Семен Бельский. Он привел с собою многих приближенных своих, но затем сгинул в татарских степях. Кстати, племянник Семена Бельского, Иван, один из глав Боярской думы и родственник царя, тоже намеревался бежать в Литву. Но кто-то донес на него. Я с интересом наблюдал за происходящим и уже думал, что не избежать смерти находчивому боярину, но вскоре за него вступилась вся московская знать – многие князья, бояре и архиепископы поручились за его верность и заплатили огромную сумму. И вот вскоре Иван Бельский снова заседает в Думе. Видимо, царь понял, что знать ограничивает его в избавлении от неугодных ему людей, и велел поручаться их своими жизнями.

Гарабурда пристально глядел на Радзивилла, ожидая, что тот выдаст еще.

– Я верю в силу нашего доблестного воинства, – протянул канцлер с ухмылкой. – Возьмите, к примеру, орех. Может, скорлупа у него тверда, но, если внутри он сгнил, будет ли представлять он ценность? Как правило, гнилой орех легче всего раздавить. Так и в Москве. Ясно видно, что бояр и воевод притесняют при дворе царя. Тем легче сеять смуту среди них. Как можно одержать победу тому царству, внутри которого льется кровь тех, кто должен ее защищать? Московия – гнилой орех, пожираемый гадами изнутри, поэтому скорлупа ее не выдержит нашего напора. А натравить на нее Швецию и Данию – дело времени. К тому же не забывайте, что крымские татары ежегодно совершают разорительные набеги на русские земли...

– И вы намерены слать знатым русским воеводам предложения идти на службу к королю Сигизмунду, тем самым обескровливая их военную мощь?

– Мы уже это делаем!

Едва воевода сказал это, сани резко остановились. Ошалело оглядываясь и удерживая рукой едва не упавшую шапку, Радзивилл спросил злостно, как только дверь отворилась:

– Что там стряслось? Почему стоим?

– Перехватили посланника, пан Радзивилл, – докладывал дворянин, расширенными от ужаса глазами глядя на канцлера, – в Вильно прибыл некий русский воевода, уважаемый в Москве человек. Вас ищет...

И замолчал. Радзивилл, уже чуя беду, в ожидании глядел на него.

– Воевода принес весть. Русский царь осадил Полоцк, – молвил сопровождавший их дворянин и тут же осекся.

Весть эта прозвучала как гром среди ясного неба. Радзивилл и Гарабурда, застыв, глядели друг на друга, и вдруг канцлер рявкнул:

– Скорее! В Вильно! Скорее!

Едва дверца захлопнулась, сани тронулись.

«Вот тебе и гнилой орех», – подумал досадливо Гарабурда. Полоцк, древний, хорошо укрепленный город, был важной торговой артерией и цитаделью на пути к Вильно, сердцу Литвы. Потерять его было нельзя ни в коем случае.

* * *

Воздух, казалось, был пропитан тяжелым запахом пороха. Пушки били по Полоцку уже третий день, и уже был виден клубящийся черный дым от пожаров. Мощные деревянные

стены, укрепленные валами и землею, выдерживали удары снарядов, но башни во многих местах уже были разрушены. Впервые за эти три дня наступила тишина, замолчали легкие пушки и мортиры. Молчали и ни разу не выстрелившие огромные пушки «Павлины», вкопанные в землю.

Иоанн глубоко вдохнул морозный воздух и въехал на пригорок верхом на закованном в броню жеребце. Наверняка тем, кто стоит на стенах, хорошо виден его сверкающий шлем и панцирь. Он огляделся на раскинувшуюся под неприступными мощными стенами русскую рать. Хоругви и стяги со Спасом возвышались над ними. Давно уже не собиралась такая огромная рать! Рядом с Иоанном ногойские мурзы и татарские царевичи, перешедшие на службу к царю – Саин-Булат, Бек-Булат, Кайбула. Много их теперь при дворе. Пусть басурмане, но куда вернее многих русских бояр!

В сопровождении конных стражников подъехал красавец Владимир Старицкий, сродный брат государя. Он подозревал, что мать устроила какой-то заговор, и когда из стана сбежал Борис Хлызнев-Колычев, ему стало страшно – что, если это дело рук матери? Как быть? Владимир стоял подле Иоанна и молча глядел на него. Иоанн бросил в его сторону короткий косой взгляд и вновь, отвернувшись, стал глядеть на город.

Медленно подняв руку, он махнул ею, и в сопровождении двух конных ратников из лагеря в сторону полоцких ворот двинулся переговорщик, дьяк. Воеводы и сам государь были уверены, что гарнизон после столь мощного обстрела будет более сговорчивым. К тому же иного пути, кроме как сдаться, у них нет, ведь у государя более тридцати тысяч воинов, более ста пятидесяти пушек, в то время как в Полоцке не более полутора тысяч наемников, которые вряд ли за Сигизмунда захотят умирать здесь. Захват Полоцка неизбежен.

Государь долго готовился к походу, копил средства и запасал провиант, дабы у войска не было нужды в грабеже. Поход готовился тайно, литовских купцов и даже простых путников брали в плен, дабы они не смогли уйти и доложить королю Сигизмунду, что русский царь во главе мощного войска отправился в поход на Полоцк. Помимо того, Иоанн и его окружение позаботились о том, чтобы никто из соседних государств не вмешался в их войну.

Царь взглянул на стоявшего неподалеку боярина Алексея Басманова. Когда-то он храбро бился под Казанью, затем участвовал в Судбищенской битве, успешно воевал в Ливонии и уже год как возглавляет посольства на переговорах с Литвой, Данией и Швецией. Отдав Дании мелкие ливонские острова, он добился союза и торговли с ней. Сын Алексея, Федор, служит в государевом полку, сопровождает всюду Иоанна. Государь обернулся. Вот он, сидит в седле с прямой спиной и крепкой грудью, с бритым лицом, из-под шлема выбилась прядь кудрявых черных волос, прикрыла дугообразные, совсем не мужские брови, под коими блестели черные, коварные глаза. И глаза эти встретились со взглядом Иоанна, и царь заметил, как юноша тут же побледнел, словно вот-вот рухнет с седла без чувств.

«Нужны мне новые, верные люди», – подумал царь и вновь поглядел вперед. Там посол его уже звал командующего городом Станислава Довоину на переговоры. Иоанн не хотел уничтожать город и намеревался обойтись малой кровью. Но чутье его и понимание общей обстановки подсказывали ему, что без того не обойтись. Он краем глаза взглянул на молчавшие гигантские пушки...

Царь уже пытался заставить Полоцк сдаться на словах, еще до того как его войско окончательно рассредоточилось вокруг города. Размещением полков занимался сам Иоанн, который до этого вместе с ближними боярами осматривал укрепления со всех сторон. Иоанн отправил в город запуганного польского купца, захваченного в пути на Полоцк. Ему было поручено доставить жителям и гарнизону послание о том, что московский царь обещает милость каждому, сохранение их имущества и прав, наемникам же и гарнизону позволено было уйти с миром, но только в том случае, если город сдастся без боя. Вместо того спустя время с городских стен в сторону русского войска была брошена отрубленная голова купца. Это был знак.

Иоанн махнул рукой, и началась великая суета и шум под стенами Полоцка – собирали туры. Делали это смело, не боясь вылазок противника. До того как ударили первые легкие пушки и мортиры, стрелецкий отряд с приспособлениями для штурма бросился на город, завязалась упорная борьба. Очень скоро все застлал дым от пищалей и пушек. Было видно, что наемники не спешили вступить в бой, и стрельцам противостояло ополчение – перепуганное мужичье, ремесленники, неуверенно орудовавшие топорами, вилами и рогатинами, выливавшие со стен чаны с кипящим маслом, смолой. Гарнизон все же пришел им на помощь, когда стрельцы уже заняли одну из башен. Стрельцов отбросили от стен, но штурм этот был необходим. Так Иоанн и его воеводы ощупывали противника, искали слабые места. Государь не дал насладиться им той победой, ибо после того начался массированный пушечный обстрел, продолжавшийся три дня. Снаряды перелетали через стены, попадали в бойницы, сбивали орудия на стенах города...

Теперь же должны были начаться новые переговоры. Но послу никто не отвечал, а затем в воцарившейся тишине прозвучал выстрел, резкий, громкий. Посол рухнул с седла, и испуганный конь бросился к русскому лагерю, волоча за собой убитого хозяина. Пригнув головы, мчались следом охранявшие его ратники.

Ни один мускул не дрогнул на лице Иоанна. Одного его кивка было достаточно, и в невообразимо широкие, огромные жерла «Павлинов» начали закатывать ядра, кои с трудом удерживали и поднимали несколько здоровых мужиков.

От первого выстрела, казалось, рухнуло небо, вздрогнула вся земля, как по команде, дернулись лошади, невольно присели на корточки пешие ратники, закрыв уши, в коих уже поселился противный, приглушенный писк. Ядро с невероятной быстротой, с ревом разрезав воздух, врезалось в прочную деревянную стену и... прошибло ее насквозь. Великим ликованием отозвался русский стан. А чудовищные пушки продолжали бить еще два дня...

За два дня все уже привыкли к этим громоподобным выстрелам и поняли, что если вовремя открыть рот, не так бьет по ушам. Городская стена превратилась в жалкие руины, и сам Полоцк, за исключением внутреннего замка, куда отошел весь гарнизон, был объят пламенем.

На подступах к замку укрепился гарнизон, не позволяя жителям выйти из горящего города и не давая войти в него русским. Более того, жителей под страхом смерти начали насильно вгонять в замок. Противников надлежало разбить, вогнать в замок, и атаку эту решили поручить воеводе из худого княжеского рода Дмитрию Хворостинину. Иоанн видел, как воевода готовится к выступлению. Он был строен, высок, подтянут, с аккуратно подстриженной светлой бородой на красивом, мужественном лице. Государю рекомендовал его Василий Глинский, дядя царя, в чьем полку служил юноша.

Во главе конного отряда, под стягами, ворвался Хворостинин в горящий город, и русские всадники, закованные в броню, зловеще озаряемые пожарищами, стремительной атакой смяли и опрокинули врага. Уцелевшие сломя голову стремились в замок, но Хворостинин не стал их преследовать и велел обратиться к горожанам со словами:

– Мы здесь для того, чтобы не позволить вам стать живым щитом для тех, кто еще пытается защищать замок! Следуйте за нами в наш лагерь, под защиту нашего государя! Он милостив и не хочет, дабы из вас кто-то еще погиб!

Ратники возвращались в лагерь. Испуганные, измученные, исстрадавшиеся в страшном пушечном огне, жители вышли следом за ними нестройной, гомонящей толпой, уповая на милость того, чья броня издали сверкала позолотой – русского царя.

Обернувшись к Телятевскому, Иоанн приказал:

– Вели их разместить в лагере и накормить.

Кормить и размещать пришлось тысячи человек, но и к этому царь был готов. Афанасий Вяземский, недавно поступивший на придворную службу, умело занимался провиантом – его привел Алексей Басманов – и он сделал все, дабы никто не остался голодным. И люди, поняв, что им уже не угрожает смертельная опасность, немного окрепли духом и уже обдумывали,

как будут восстанавливать уничтоженное хозяйство. Дети с пригорка наблюдали за пушками, которые еще шесть дней продолжали бить по замку. Казалось, с каждым днем он таял, превращаясь в груды руин.

Непонятно, на что надеялся Станислав Довойна и почему так долго тянул со сдачей замка, но как только русское войско начало готовиться к штурму полуразрушенного замка, литовский воевода вывесил белый флаг. Возможно, он ждал, что на помощь ему придут Радзивилл и король с большим войском, но этого не могло произойти. Радзивилл еще на пути в Вильно велел объявить о сборе посполитого рушения и едва ли не сразу двинулся на дорогу между Полоцком и литовской столицей. Под его знаменами собралось не более двух с половиной тысяч воинов, и отправляться на помощь осажденному городу было для него и его войска смерти подобно. Потому он беспомощно стоял и ждал, ежедневно получая донесения о ходе осады. Издали он слышал, как гудят выстрелы пушек, и с ужасом осознавал, что Полоцк потерян.

Еще до того, как Довойна согласился на переговоры, Радзивилл отступил к Вильно и начал укреплять столицу.

Но Иоанн уже не мог продолжить поход, государство бы не потянуло тогда такие огромные расходы, и взятием Полоцка ограничился тот поход. Довойна был пленен, наемникам разрешили со своими знаменами уйти. Отступающие воины успели узреть страшную картину – Иоанн велел утопить в реке всех оставшихся в городе иудеев. Ратники толпами сгоняли их в воду, стариков, женщин, детей и зрелых мужчин. Жуткие звуки рыданий и криков стояли над уничтоженным русскими снарядами Полоцком...

Иоанн с войском возвращался в Москву. Начался новый этап Ливонской войны.

Глава 3

Перед тем как выступить в Москву, Иоанн изъявил желание заехать в Старицу к брату Владимиру. Выслушав от государя это решение, князь побледнел сначала, а после натянул улыбку и поклонился:

– Мой дом всегда открыт для тебя, государь!

Тут же он послал вперед своих людей, дабы начали готовиться к приезду государя, а сам ежеминутно думал, как бы мать не испортила все! И вдруг государь заявил, что хочет впереди себя послать и своего человека, дабы ничего не было упущено. Тут и выпал шанс проявить себя Федьке Басманову. Иоанн лично подозвал его и приказал ехать в Старицу. Выслушав с трепетом сей приказ, Федька тотчас рванул с конной стражей в сторону Старицы.

– Что так невесел ты, Владимир? – спрашивал царь у ехавшего рядом брата.

– Жалею, что не пригодился тебе я в этой победе, – находчиво отвечал Владимир, взглянув на царя.

– Пригодился! Для общего числа пригодился! Радуйся, что сам цел и люди твои тоже!

Постепенно чем ближе была Москва, тем больше редело войско, полки отходили к назначенным местам, кто на север, кто на юг, кто по городам. С Иоанном была его свита – родственники Захарьиных и нынешней жены, князя Черкасские, и все они, те, кого так ненавидит мать Владимира, должны были приехать в Старицу. И тут Владимир подумал – не для того ли едет государь, чтобы как-то ужалить Ефросинью? Владимир еще не представлял, чем кончится этот визит, и с каждым днем изводил себя еще больше.

Старица встречала государя колокольным перезвоном, толпившийся люд падал на колени перед конем Иоанна, будто видели они божество. Государь и его свита въезжали в доспехах, с музыкой, со знаменами. У ворот высокого резного княжеского терема уже встречали придворные и беременная супруга Владимира. Среди духовенства приветствовал государя архимандрит Успенского монастыря Иов, уже начинавший благословлять подходящих к нему членов царской свиты. Ближние бояре Владимира держали укрытый цветастым полотенцем поднос, на котором уложен был пышный хлеб с солонкой. Иоанн слез с коня, перекрестился вместе со свитой, обернувшись к Успенскому собору и вкусив кусочек хлеба, поприветствовал супругу Владимира троекратным поцелуем. Владимир робко стоял подле государя, не в силах пошевелиться, словно не он был хозяином здесь, а сам Иоанн. Может, именно это и хотел показать ему государь?

В толпе не видно было Ефросиньи. С раздражением Владимир спрашивал у бояр, где его мать. Те ответили, что едва пришла весть о желании государя погостить здесь, она уехала по монастырям на богомолье.

«Тем лучше!» – подумал Владимир и поглядел на царя. Тот улыбался, принимая хвалу и поздравления с победой. По устланной бархатной дорожке прошли в терем. Там Иоанну представили детей Владимира – десятилетнего Василия и девятилетнюю Евфимию от первого брака, двухлетнюю Марию и годовалую Евдокию – от второго. Младенцев царь на руки не брал, лишь коротко поглядел в их личики и сухо поцеловал каждого в лоб. Старшим дал поцеловать руку. Милости такой был удостоен не каждый, и тем Иоанн подчеркнул свою родственную связь с ними. После он велел принести подарки членам княжеской семьи – платки, ковры, серебряную посуду и иконы в драгоценных окладах.

Далее все направились в монастырь на службу, кою проводил Иов. Иоанн с удовлетворением заметил, что архимандрит хорошо знает свое дело, и удивился, как в столь молодом возрасте он уже управляет монастырем? Владимир сказал, что Иова поставил во главе монастыря прежний архимандрит, Герман, который с тех пор возглавляет епархию в Казани. Иоанн знал Германа и с почтением кивнул, как бы одобряя его выбор.

После службы было застолье. Иоанн и Владимир сидели друг возле друга во главе стола. Не замолкали свирели, дудки и домры, вино и мед лились рекою, а стольники не успевали подносить жареных лебедей и кабанов. Иоанн был улыбочив, жаловал чашами вина бояр Владимира и некоторых членов своей свиты.

– Добро, Владимир! Хорошо встретил! – говорил Владимиру на ухо Иоанн, улыбаясь. Князь уже чувствовал, как напряжение спало, он повеселел от вина и от того, что все было так хорошо.

– Только мне непонятно, где княгиня Ефросинья?

В груди у Владимира что-то ёкнуло, улыбка медленно сходила с его уст, он обернулся и увидел, что Иоанн пристально смотрит прямо ему в глаза, смотрит тяжело, холодно.

– Прости, государь, уж давно она уехала по окружным монастырям на богомолье, верно, и не знает, что ты нынче тут! – ответил Владимир и, отвернувшись, припал к чаше с вином. Он чувствовал на себе тяжелый взгляд Иоанна, затем краем глаза увидел, что царь отвернулся и, подозревая Ивана Яковлева, что-то принялся ему говорить на ухо. Тот кивнул и отошел.

– Надоели они мне все. Вели нам накрыть в горнице, хочу с глазу на глаз с тобой говорить! – сказал царь Владимиру. Князь от волнения поднялся сам, готовый было броситься и самолично накрывать стол, но рассмеявшийся Иоанн остановил его фразой:

– Что же ты, слуг не имеешь? Прикажи кому-нибудь!

Сокрушенный Владимир покраснел от стыда и подозвал своего стольника.

Вскоре государь и князь покинули общее застолье и удалились в тихую, но просторную горницу, где уже для них стояли блюда с различной снедью и кувшины с вином и медом. У дверей с обратной стороны с саадаком встал Михаил Темрюкович, шурин государя.

Иоанн и Владимир сидели друг напротив друга. Прочь отосланы были даже слуги, и князь наливал сам.

– Грядут новые времена, Владимир, – говорил Иоанн, откинувшись на спинку резного кресла.

Владимир молчал, не зная, что отвечать.

– Будущего с боярами и удельными княжествами просто не может быть. Иначе войну нам не выиграть. Мне помощь в том нужна.

– Я всегда готов помогать тебе, государь! – с готовностью отозвался Владимир.

– Возможешь? Не поступишь? – Иоанн снова сделался суровым.

– Нет, – ответил Владимир и опустил глаза. Снова это тяжелое молчание!

– Господь завещал любить родных и близких, и я не намерен отступать от этих заветов. – Иоанн взял серебряный кубок и отпил из него. Помолчав, добавил: – Только ежели они мне останутся верны.

Владимир безмолвно глядел на царя, плечи его отчего-то поникли, в животе почувствовал тяжесть и тошноту.

– У прадеда нашего, Дмитрия Донского, тоже был сродный брат. Ежели помнишь, его также звали Владимиром Андреевичем. Он во всем помогал князю Дмитрию, и, думается, без Владимира Андреевича не было бы у него столько побед и свершений. Однажды Владимир Андреевич отказался от притязаний на великокняжеский стол и после смерти Дмитрия еще долго поддерживал его сыновей до конца своих дней.

Владимир понимал, к чему клонит Иоанн – того же самого царя ждал и от своего брата.

– Сей великий муж будет нам примером, – ответил Владимир, стараясь придать голосу своему твердости.

Иоанн улыбнулся и отпил из кубка, закинув голову. Когда убрал он кубок от лица, то от улыбки не осталось и следа, лишь тяжелый, пристальный взгляд.

– Бориска Хлызнев был в Старице перед походом? – спросил он. Владимир уложил руки на стол, дабы не рухнуть с кресла от начавшегося головокружения. Откуда он знает? Что же сказать ему? Он смотрит пристально, ждет ответа.

– Сего предателя я в своих владениях не видал, – откашлявшись, молвил князь. Иоанн продолжал глядеть на брата, словно заново изучая его лицо. Затем сказал внезапно:

– Верю тебе. Верю, ибо хочу хоть кому-нибудь еще верить. Гляди, вокруг меня одни предатели.

– Верь мне, государь. Многие лета тебе! – сказал Владимир и поднял свой кубок. Поднял и царь. Когда выпили, Иоанн медленно поднялся из-за стола.

– Устал я. В баню надобно сходить да спать лечь. Благодарю тебя за прием, князь старицкий!

Иоанн обнял Владимира и расцеловал его в обе щеки, после чего медленно покинул горницу. Владимир, оставшись один, постоял какое-то время, затем его шатнуло, он уперся рукой в стену и, икнув, обильно изверг себе под ноги содержимое своего желудка. Краем глаза увидел, что в дверях застыли слуги, и князь, преодолевая новый позыв, стрелой вылетел из горницы.

Когда выходил во двор, дабы подышать воздухом, уже смеркалось. Пир был окончен, и над Старицей воцарилась ночная тишина. В висках гулко стучала кровь, и Владимир не сразу услышал, как его робко окликнул один из дьяков:

– Княже, дьяк твой Савлук, сын Иванов, в хищениях замечен, пока ты был в походе, мзду брал, простым людям в своем приказе помогать отказывался. Нами уж схвачен он, скажи же теперь, что делать с ним.

– Под стражей держите, опосле решим, – отмахнулся князь, дабы дьяк поскорее отстал. Благо загаженных сапог в темноте не увидел, а то срам! Откланявшись, тот ушел, и Владимир еще какое-то время стоял один в тишине.

Уже потом, после бани, в чистых одеждах лежал он в своих покоях, глядел в темный потолок и наблюдал, как за окном мелькает свет от пламенников – это вокруг дома ходила вооруженная стража, охранявшая покой государя.

– Ежели что-то раскроется, он меня более не простит, – проговорил себе шепотом Владимир и тяжело вздохнул, подавив в себе желание предаться слезам. Надобно унять материнскую жажду власти и стать верным помощником Иоанна, каким был для Дмитрия Донского его брат Владимир.

«Так и будет!» – решил для себя князь и почувал, что страх и волнение немного отступили. Уверенный в этом исходе, Владимир отвернулся к стене и тут же забылся глубоким, спокойным сном.

Иоанн тем временем направлялся из бани в приготовленные для него покои, распаренный и уставший. Тенью с саблей у пояса всюду царя сопровождал Федька Басманов. Иоанн остановился, обернувшись к нему. Федька впился в государя взглядом своих больших черных глаз, и во взгляде этом было столько любви и обожания, что Иоанн невольно улыбнулся.

– Тебе отдохнуть надобно, ступай, – сказал он тихо и ласково. Федор склонил голову, тряхнув черными длинными кудрями, и ответил:

– Дозволь, государь, быть подле покоев твоих и оберегать тебя.

– Добро. – Иоанн кивнул и направился дальше.

– Государь! – окликнул его Федька. Иоанн остановился, но не обернулся.

– Княгиня Ефросинья была тут, нарочно уехала, когда узнала, что прибудешь ты, государь!

Помолчав, Иоанн ответил:

– Ведаю...

И продолжил свой тяжелый, усталый шаг.

* * *

Государь выделил для своих сыновей отдельный двор. У них даже была своя дума, в коей сидели ставленники Захарьиных. Управляли двором и следили за обучением и воспитанием царевичей Василий Михайлович Захарьин и князь Василий Сицкий, шурин Данилы и Никиты Захарьиных.

Двором царевичей они распоряжались подобно хозяевам, оградив мальчиков от всего и вся, что, конечно, также осуждалось знатью.

Данила Романович в свободное от дел время приезжал к племянникам, ибо все делалось под его строгим надзором. Он, потучневший в последние годы, выходил из возка гордо и чинно, оправляя бархатную ферязь, шитую серебром, в остроносых низких сапогах его сверкали камни. Подобно отцу, он рано начал лысеть и седесть, потому, дабы выглядеть моложе, коротко стриг пепельную с черными прядями бороду. Василий Михайлович и Василий Сицкий встречали его на крыльце с теплыми объятиями.

– Как отроки? – задавал он привычный вопрос.

– Грамоте учатся добротню, – отвечал Сицкий, высокий и плечистый, с окладистой рыжей бородой. Данила Романович, молча и шумно дыша, прошел мимо. Было видно, что принес он дурные вести. Сели за стол в светлице, где для дорогого гостя уже было накрыто. Данила Романович отдал слуге ферязь и в узком коротком кафтане с драгоценными пуговицами сел во главе стола, оправив узкие рукава, также шитые камнями. Сицкий и Василий Михайлович восседали напротив, ждали.

– Царица Мария родила отрока, – помолчав, проговорил Данила Романович.

– И что? Помехою он нам пока быть не сможет, – отмахнулся Василий Михайлович и усмехнулся, но Сицкий и Данила Романович были суровы.

– Еще, – продолжал глава клана Захарьиных, – за Александра Воротынского поручились митрополит, бояре, в том числе князь Мстиславский.

– Коли они друг за друга поручаться смогут всегда, никого ослабить не выйдет!

– Митрополит стар, ему недолго осталось, а там своего митрополита поставим, – проговорил Василий Захарьин. Он говорил про бывшего царского духовника Андрея, который уже давно был союзником и другом их семьи. Год назад он постригся в Чудов монастырь под именем Афанасий.

Данила Романович оправил рукой бороду и уложил руки на подлокотники кресла.

– Мы долго шли к этому, долго, – проговорил он, устало вздохнув и опустив глаза. Вдруг он взглянул исподлобья на Василия Захарьина и протянул:

– Чую новых врагов наших. Недоброе чую...

Сицкий и Василий Михайлович переглянулись и в недоумении посмотрели на Данилу Романовича.

– Брат, отчего же ты столь печален? Главный враг наш, старицкий князь, коего могут поддержать бояре, в наших руках, везде в Старице наши прикормленные люди, – проговорил Василий Захарьин.

– Иван Шереметев Большой, наш родич, прославленный воевода, проиграл Алексею Басманову тяжбу, кою тот сам против него затеял! Сегодня утром Иван был взят под стражу за какую-то клевету!

Эта новость прозвучала громом среди ясного неба. Шереметев, старший брат целой четы успешных полководцев, казался самой крепкой фигурой в державе, ибо не было войны, кою бы он пропустил в те годы, тело все его покрыто шрамами, полученными в кровавых боях. Помимо прочего – родич Захарьиных и наследников. И теперь так просто после тяжбы с Басмановым –

под арест! Впервые очень явно почуялась шаткость положения Захарьиных. Данила Романович же продолжал:

– Дьяк Висковатый, наш верный друг, по-прежнему находится в Дании с посольством. Все переговоры с иностранцами здесь продолжал Алексей Басманов. Он же участвовал в походе, он же был жалован государем. И сын его теперь в государевой свите... А тут еще и другая новость – в Старице был заговор! Заговор против нас и государя! Хлызнев бежал в Литву по указу Ефросиньи и Владимира, дабы король Сигизмунд им помог победить Иоанна! Всюду враги!

Глаза Данилы Романовича налились гневом, он схватил чашу с вином и осушил ее.

– Я столько лет потратил на то, чтобы мы всем правили. Столько сил... столько крови пролил! И я не намерен отступить! – выдал он из себя с гневом и ударил кулаком по столу.

– Может, ты напрасно кручинишься, брат? – спросил Василий Захарьин.

– Я чую, как мы слабеем! Слабеем с каждым днем! Я чую! – выкрикнул со стиснутыми зубами Данила Романович, в бороде его виднелись клоки пены.

И тут все трое задумались, задумались крепко. Алексей Басманов, видимо, новый человек, коему доверяет государь. Они знали его как решительного военного, не знающего жалости к противнику, достигающего нужной ему цели любыми путями. Недавно он стал боярином, затем возглавлял все переговоры с иностранными послами. Такой своего не упустит, и в придворной борьбе с ним будет сложно тягаться!

– Можем ли мы посадить на престол Ваню... царевича? – сказал вдруг Василий Захарьин. Сицкий с недоумением поглядел на него.

– Ежели государем станет отрок, наш близкий родич, то равных нам не будет! – продолжал он.

– И как же ты собираешься это сделать? Государя убить вознамерился? – спросил Сицкий шепотом.

– Да, – пожал плечами Василий Захарьин. Говорил он об этом так же просто, словно размышлял о продаже коня. Сицкий застыл в своем кресле, а Данила Романович, подумав, усмехнулся и сказал:

– Для начала надобно нам старицкого князя устранить, и я уже знаю, как Савлук Иванов, наш человек, сидит под стражей, но скоро его освободят и помогут бежать. Именно он и расскажет государю, что бежавший из-под Полоцка Бориска Хлызнев был в Старице, и это чистая правда.

– Опять старая княгиня что-то помышляет! – со злостью предположил Сицкий.

– Мы выяснять не будем, просто покончим раз и навсегда со всем этим семейством. Государь, видно, простил своего братца, да зря, – продолжал Данила Романович, – устраним Владимира, а после за Басмановых возьмемся...

Данила Романович говорил это, будучи уверенным, что сила Захарьиных при дворе осталась и останется прежней, и не ведал, не видел того, насколько он ошибался...

* * *

В полутемных покоях, богато уставленных иконами, дорогой посудой и книгами в кожаных переплетах, сидел старый митрополит Макарий. За расписанным витиеватыми узорами слюдяным оконцем слышался гомон и шум митрополичьего двора, но слышался приглушенно, будто из-под воды. Макарий сидел в резном кресле, укрытый тьмой, похудевший и согнутый, как сухая палка. Длинная седая борода, поредевшая, свисала до самых колен.

Сильно сдал в последние годы! Сейчас особенно сильно ощущается ветхость плоти, а с тех пор, как погибли Адашевы, как удален был Сильвестр, как началась расправа над их сторонниками, кою Макарий не смог пресечь, еще сильнее ощущается ветхость духа. Сдаваться

нельзя, в столь тяжелое время Руси нужен надежный пастырь, он нужен знати, которая считает его своим заступником. И он все еще может словом своим повлиять на государя, хотя и он, и сам Иоанн чувствовали и понимали – после расправы над Адашевыми и Сильвестром меж ними выросла стена непонимания и недоверия. Стена между ним и тем самым мальчиком, коему он, расчесывая локоны, сказывал о величии царской власти, коего поддерживал против недругов его, коему помогал в его начинаниях, коего венчал на царство. Когда в последний раз они виделись? Едва ли не полгода назад, когда Макарий благословлял Иоанна в поход на Полоцк.

Макарий поглядел на свои худые трясущиеся руки, покрытые пятнами, с трудом сжал и разжал немеющие пальцы. Надобно было собираться с силами и идти – сегодня мастера Иван Федоров и Петр Мстиславец начали работу на открывшемся доднесь Печатном дворе, первом во всей Руси. Сколько сил и средств было вложено Макарием в его создание! Иоанн был глубоко заинтересован в сем деле и также приложил к этому руку. Кажется, это их последнее совместное свершение.

Макария, одетого в черную рясу и белый клобук, к крытому возку вели под руки. Все было плотно оцеплено стражей, дабы никто и краем глаза не увидел, насколько немощен владыка. Тронулись. В возке напротив Макария сидел его секретарь Димитрий, долгие годы уже верой и правдой служивший митрополиту.

– Как голова? Болит? – с заботой вопрошал он, глядя на прикрывшего глаза Макария, опиравшегося двумя руками о навершие резного посоха.

– Она теперь болит всегда, – тихо отвечал старец, не открывая глаз, – что слышно, где Иоанн?

– Государь отбыл в Александрову слободу, в Москве лишь повидал царевичей, супругу и новорожденного сына...

Владыка поднял веки и внимательно взглянул на Димитрия. Александрова слобода... Макарий не понимал, почему Иоанна так тянет в это место и почему он так не любит Москву, свою столицу. Конечно, в слободе он часто останавливался со своей покойной матерью, но почему она заменяет государю город его праотцев...

– Молвят, младенец с рождения уродлив и болен, – продолжал Димитрий, – с похода вернулся больным и брат государя Юрий.

Макарий осенил себя крестом и прошептал какую-то короткую молитву. Юрий болен и из-за уродства своего, вероятно, скоро умрет, так и не оставив наследников. У него был сын, умерший младенцем. После этого Ульяна, жена князя, уже не могла понести от супруга. Вымирает корень великого князя Василия, с трудом дает ростки. Дай Бог, дабы подрастающие сыновья Иоанна женились в скором времени и дали московской династии новые ветви...

По-другому обстояли дела у Владимира Старицкого. Его вторая супруга, кстати, сродная сестра Андрея Курбского, беременна каждый год и рождает здоровых детей. Быть может, именно им суждено продолжить род Ивана Калиты?

Возок прибыл в Китай-город на Никольскую улицу, где среди низких резных теремов возвышался свежестроенный печатный двор. К приезду владыки разобрали весь мусор и подмели стружку. Владыку ожидала целая толпа зевак, кою удерживали плотным строем стрельцы, а также делегация бояр. Макарий без чьей-либо помощи, опираясь на посох, вышел из возка и осенил крестом ликующую чернь. Раздетые в атлас и парчу бояре поклонились в пояс, и каждый приблизился к дрожащей, холодной и худой руке митрополита.

Во главе делегации был Иван Петрович Челяднин, старый и опытный боярин, коего в последние годы Иоанн в свое отсутствие оставлял управлять столицей. Это был полный, низковатый, седобородый старец со смиренным лицом, и лицо это было маской, ибо на деле человек был хитрый и беспощадный к врагам. Макарий знал его давно, еще с тех пор, как Иван Петрович вел дружбу с Федором Воронцовым, соратником Макария, потому не удивился, когда

донесли ему, что Челяднин вместе с Захарьиными стоял во главе заговора против Глинских, когда Москва погибла в великом пожаре – мстил за казненного Воронцова и за свое унижение, когда вымаливал он прощение за грехи, коих не совершал... Теперь же, спустя годы походов и воеводств, сей боярин крепко стоит у власти и, несмотря на незнатность его происхождения, пользуется почетом среди прочих бояр.

Рядом с ним стоял Никита Романович Захарьин, брат покойной супруги государя, еще молодой и самоуверенный, веривший, что сила, коей обладает нынче их семья, будет навеки с ними. Это лишь до поры, пока управляет всем его брат Данила, в этом Макарий был уверен. Еще он знал, кто стоит за падением и гибелью его друзей – Адашева и Сильвестра. Знал, но не винил Никиту, ибо ведал, что сие – дело рук Данилы Романовича.

За спиной Никиты стоят родственники Захарьиных – Иван и Василий Яковлевы, те, что были в свите государя под Полоцком. Они же – назначенные им регенты при царевичах. Макарий, отвернувшись и не дав им своей руки, прошел дальше. В стороне стоял седобородый, но все еще крепкий воевода Петр Щенятев, только что вернувшийся из-под Полоцка. Сей достойный муж был героем войн с Казанью, Швецией и Ливонией, и теперь также стоял в Думе на первых местах. Владыка в знак уважения удостоил его улыбкой.

У входа в печатный двор, склонившись, стоял мастер Иван Федоров. Макарий помнил его еще учеником датского печатника, с тех пор минуло больше десяти лет, и владыка видел, как Федоров заматерел, в бороде и жидких длинных волосах уже виднелась седина, а в глазах все больше читалась какая-то отрешенная усталость. Позади него робко стоял юноша, который жадно глазел на подошедшего столь близко митрополита. Макарий дал поцеловать руку Федорову и прошел вместе с ним внутрь. Во тьме, едва разгоняемой свечами, стояли станки, а на столах – приготовленные различные инструменты.

– Благослови, владыко, нас на создание книги печатной, коей суждено стать первой на Руси, – произнес Федоров и склонился вместе с помощником.

Макарий уже давно поручил мастеру напечатать «Апостол», писанный евангелистом Лукой, и теперь наконец сие будет исполнено. Макарий осенил склонившихся мастеров крестом и прочел над ними молитву.

– Бумагу хорошую закупили? – спросил он тихо и мягко.

– Французскую, владыко! – отвечал мастер. Макарий удовлетворенно кивнул и покосился на робкого юношу.

– Это мастер Петр из Мстиславля, помощник мой верный, – представил его Федоров.

– Добро, – кивнул Макарий и, оглядев уставленную станками мастерскую, печально улыбнулся, – вам дано еще много времени, чтобы созидать и творить, ибо Господь нас...

Владыка внезапно замолчал и задумался – мысль потеряна, это случалось все чаще и чаще. Это было для него еще досаднее, чем дряхлость тела, ибо он очень жалел свой умирающий светлый и великий ум. Мастера в ожидании глядели на него, и Макарий произнес:

– Надеюсь взять в руки первую книгу. Сие моя главная мечта, ибо великое дело, книгопечатание, вверенное вам, мое самое главное детище...

С этими словами он, еще раз перекрестив мастеров, двинулся к выходу – силы иссякли, нужно было срочно уезжать.

– Владыка совсем одряхлел, – прошептали меж собой бояре, – того гляди, и помрет скоро...

– Не приведи господь! Это же наш главный заступник. Государь лишь к нему прислушивается, – отвечали другие.

А Макарий, едва закрылась за ним дверца возка, откинулся тяжело назад, уронив посох, и тяжело задыхался. Секретарь тут же налил малинового квасу изможденному митрополиту:

– Выпей, владыка, выпей!

Возок тронулся, и Макарий, дрожащими руками взяв чашу, жадно припал к ней и, отпив, закрыл глаза. Димитрий принял чашу обратно и заговорил:

– Вредно тебе, владыко, разъезжать всюду! Дела и из палат своих вершить можешь, того гляди, плохо станет, упадешь, расшибешься. Сегодня дел еще много.

И, взглянув на Макария, заметил, что тот лежит недвижно, сомкнув уста и очи. Разом бросило Димитрия в жар, подумал страшное, но затем увидел, как подымается от слабого дыхания впалая грудь старика, и успокоился.

Митрополит всея Руси, больше похожий на тень свою, чем на самого себя, спал...

Глава 4

Солнце нещадно палит, и в небе нет ни единого облака. Пахнет травой. Величественные, бескрайние русские луга тянутся за оком, туда, где вдалеке темнеет лес. Справа, на холме, стоят деревянные избы, в коих кипит жизнь – это слышно по хозяйскому шуму инструментов и блеянию скота, это видно по печному дыму. Какая-то полная баба с красным платком на голове, вскинув на плечи коромысло с двумя ведрами, шла в сторону реки. Мимо нее промчались галдящие детишки. Завидев вдалеке, на соседнем холме, целую ватагу богато одетых всадников, баба остановилась и, подняв сложенную лодочкой ладонь, начала глядеть. Они стояли на месте, но вот один выехал вперед и остановился у склона холма.

Нога в красном сафьяновом сапоге упиралась в железное, крытое серебром стремя. Поводья лежали в руках, облаченных в бархатные перчатки. Иоанн оглядывал эти просторы, вдыхая полной грудью запах свежей весенней травы. За спиной всхрапывали кони многочисленной свиты и вооруженной стражи. Государь развернул коня в другую сторону и стал глядеть туда, где уже видна была великая степь. Там, за ней, Дикое поле, бескрайнее, безжизненное пространство, откуда в русскую землю издревле приходили кочевники – половцы, печенег, монголы и теперь татары. Здесь – граница его, Иоанна, царства, а за ней – пугающая тишиной местность, будто каждому, кто вступит туда, уготована смерть.

Иоанн мечтал заселить Дикое поле, поставить там новые города и крепости, но сделать это невозможно, ибо крымские татары еще сильны и приходят грабить каждый год. Перед тем как уехать из Москвы, Иоанн отправил в Крым посла Афанасия Нагого. То, что при дворе Девлет-Гирея будет находиться русский посол, во многом облегчит достижения мира с Крымом, к тому же свой человек в стане врага бесценен.

Иоанн вновь развернулся и, не спеша, повел коня в сторону дальнего леса. Тут же сзади послышался нарастающий конский топот – след в след двинулась стража и свита...

После возвращения из Полоцка, увидев новорожденного сына и жену, царь тотчас отправился объезжать свои владения. Вернее, не свои, а пашни, деревни и имения бояр из разросшегося рода князей Оболенских. Курлятевы, Ноготковы, Телепневы, Горенские, Тюфякины, Репнины – все они, происходящие от одного рода, одного предка, Михаила Черниговского, составляют костяк боярской власти.

Другие земли принадлежат потомкам ярославских князей, из которых в Думе сидят Кубенские, Щетинины, Шаховские, Охлябины, Ушаты, Сицкие. Третьи земли заселены выходцами из ветви ростовских князей, и один боярин, Семен Ростовский, когда-то предал своего государя, когда был он в болезни, поддержал старицкого князя Владимира и до сих пор остается его верным другом, а значит, предаст еще раз. Минуло почти десять лет, но Иоанн ничего не забыл!

Князья стародубские, нижегородские (среди коих ненавистные с детства Шуйские), десятки семей, сотни имен, нерушимая связь...

И вот все эти деревни, леса, пашни, имения – это все их владения, их вотчины, богатое наследство от предков – удельных князей, перешедших на службу к московским государям. И, слыша от дьяка – «сие места князя Ноготкова, тянется на тридцать верст, включает четыре деревни, пашню, лес...», Иоанн все больше думал о том, что с этих гнезд их так просто не согнать, ведь они сидят здесь с незапамятных времен и, конечно, не собираются ничего менять. Казне нужны эти деревни, пашни, леса. Иоанну же нужно уничтожить эту прочную, закостенелую традицию раздробленности.

Иоанн долго изводил себя этой мыслью, уже знал, у кого и какие земли надобно забрать, но еще не придумал как.

Злость и раздражение терзали его душу. И лишь нахождение рядом Феи Басманова помогало государю. Крепкий, уверенный, с большими темными глазами, столь проникновенными, что трудно отвести взгляд. Его отец заслугами своими и верностью завоевал расположение государя, сын же его располагал к себе чем-то иным. Порой, когда объезжали земли, Иоанн, ехавший во главе всех, оглядывался в поисках любимых черт лица, тут же находил преданный взгляд темных глаз, и становилось легче.

Иоанн понял, что его тянет к этому юноше, внутри появилось то сладостное чувство, коего он уже давно не испытывал...

Лагерь по обыкновению разбивали у рек, ставили шатры и вооруженных ратников, как во время похода. В тот день Иоанн спал один в богатом шатре, прогнав слуг. Весь день томился мыслями о Феде и ныне велел его позвать.

– Господи, прости душу мою за великий грех! – шептал государь, крестясь. Наконец в шатер несмело вступил Федор, в длиннополом кафтане с широкими рукавами, подвязанном в поясе кушаком.

– Звал, государь? – спросил он тихо.

– Звал, Федя, проходи, садись. – Иоанн указал ему рукой на свое ложе и чуть отодвинулся в сторону. Осторожной, словно у кошки, походкой Федя прошел по коврам и сел к нему.

– Худо мне, Федя, – проговорил Иоанн тихо, – кругом одни изменники! Враги кругом! Нет души родной рядом, коей довериться могу.

Он говорил это, а сам чувствовал, как слабеет голос, как пересыхает во рту, а нутро словно полыхает огнем. Федор глядит прямо в очи и говорит так же мягко:

– Есть, государь. Мне верь. Я рядом, я весь твой. Что хочешь, сделаю! Преданнее пса буду тебе! Не дрогнет, государь, рука и отца родного ради тебя убить!

Лицо Иоанна перекошилось, зубы сжались до скрипа. Он грубо, как любил, схватил Федора за его кудрявую шевелюру и прижал к себе. Иоанн зажмурил глаза, силясь не открыть их, а в голове все глуше и глуше звучала мысль о страшном содомском грехе, который Господь ему не простит...

С тех пор Федор зачастую ночевал в шатре государя, и позже, когда вернулись в Москву, приходил к нему в покои. И, лежа с ним рядом, ласкал и говаривал, как любит Иоанна, как предан ему и готов на всё. И царь, забывшись, делился с этим чернооком юношей государственными тайнами, жаловался, советовался, и Федор, внимательно слушая его, повторял одно и то же:

– Только прикажи. Я готов за тебя предать огню весь этот грязный мир, дабы на пепле его ты, великий, создал новый, подобный Царству Божьему, как ты и хотел...

Так мужеложство, упомянутое в рукописях многими современниками Иоанна, стало еще одним его великим грехом, который, несмотря на раскаяние, он еще, вероятно, долгие годы продолжал совершать. Федор же отныне стал верным спутником и советником государя, а с ним вместе и его отец, Алексей Басманов, уже заполучивший доверие царя.

Поездка Иоанна была прервана вестью о болезни новорожденного сына. Предчувствуя недоброе, он вернулся в Москву, но к этому времени младенец умер, и государь узрел его лишь в гробу. Царица Мария была безутешна, стонала и рыдала так страшно и громко, что придворные, слышавшие эти звуки, думали, не вселился ли в царицу бес. Иоанн, уже переживший смерть многих своих детей, был более спокойным, но в спокойствии том была подавленность и горечь утраты. Похоронив сына, Иоанн вместе со всем двором тут же вновь отправился в Александрову слободу. По приезде туда он услышал весть от Василия Захарьина, что в слободу отправляется сбежавший из заключения старицкий дьяк Савлук Иванов, который спешит донести государю о «неправдах» своего господина и его матери.

Заговор Владимира и его матери! Снова! Иоанн ждал этого, ибо давно не верил своей родне, но боль от предательства и боль от смерти сына сломили государя. Его знобило, дрожью ходили руки, порою тряслась до стука зубов нижняя челюсть, а внутри волнами накатывал неизмеримый гнев.

И Савлук, этот сухощавый плешивый дьяк, прибыл и упал на колени перед государем, не осмелившись поднять глаза. Иоанн восседал в черном бархатном кафтане, отороченном мехом черной белки, к трону прислонен был резной посох из слоновой кости. С ужасом заметил Савлук, что низ посоха, что упирался в пол, был не тупым, а сверкал сталью и был похож на накопчик копья. Царь молчал. Василий Захарьин, находившийся тут же вместе со свитой, велел дьяку говорить.

– Не вели казнить, великий государь, да только весть я тебе недобрую принес. И дабы не смог я того содеять, князь Владимир Андреевич и мать его заковали меня, но сумел сбежать, и ныне стою пред тобой, дабы сообщить, что перед походом твоим победоносным на Полоцк был в Старице Бориска Хлызнев, предатель и перебежчик. Хотели они дружбу учинить с литовцами, помешать тебе взять Полоцк, а после содеять переворот и посадить на престол старицкого князя Владимира!

Зашумели бояре возмущенно, скрыл довольную улыбку в своей бороде Василий Захарьин, Иоанн же по-прежнему сидел недвижно, холодно глядя на дьяка. Савлук привирал, делал это нарочно – все, как ему указал Данила Захарьин. Ведали, что государь разбираться не станет и на новый выпад от брата и его властолюбивой матери ответит тут же. Савлуку за это обещано было теплое местечко на службе в одном из приказов в Москве и хорошее жалованье.

Иоанн выгнал всех, и никто не увидел, как он пережил эту весть, оставшись наедине. Но в тот же день, не выходя из покоев, он велел собирать судебную комиссию, а Старицу приказал оцепить, дабы никто не смог сбежать.

Александр Горбатый-Шуйский получил послание об этом уже в тот же день и торопливо написал Бельскому и Мстиславскому, которые должны были быть во главе комиссии, дабы содейли все, лишь бы спасти Владимира и его семью от расправы – такого выгодного претендента на престол нельзя было терять!

Митрополит тем временем ложился спать. Сегодня снова была слабость, хотя и сумел провести службу. Тяжко!

– Нет, – сидя за столом в одном подряснике, проговорил Макарий сам себе, – государству надобен сильный владыка, но не я...

Все чаще он мечтал о возвращении в Пафнутиев монастырь, что под Калугой – там, где уже более полувека назад принял он постриг.

«Надобно государю молвить, что оставляю я митрополичий стол, не могу более», – думал Макарий и, сухой, высокий, тяжело передвигая ногами, направился к расстеленному ложу своему.

Не слышал он торопливого бега Дмитрия, лишь когда отворилась настежь дверь и на пороге показался задыхающийся секретарь, Макарий почувал неладное.

– Беда, владыко! Старицкого князя, – прерываясь, с одышкой, докладывал Дмитрий, – в измене обвиняют... Государь войско послал окружить город, велел... велел суд учинять...

Макарий вдруг как-то разом сделался суровым, и во взгляде его отразилась прежняя твердость. Нет, нельзя допустить раздора в царской семье! И он, Макарий, нужен сейчас державе, как никогда! Как же можно уйти сейчас с митрополичьего стола?

– Все судьи в слободу едут? – спросил он, сдвинув густые седые брови.

– Да, владыко! Государь всех там ждет. Тебя тоже...

– Ведаю! Вели закладывать, рано утром выедем!

Димитрий, поклонившись, вышел и закрыл за собою дверь. Макарий оглянулся на образа и широко перекрестился. До рассвета он так и не уснул – молил Бога о государе и его брате и дабы Господь дал ему сил не допустить кровопролития и новой уособицы на русской земле!

* * *

Вести о раздоре в царской семье быстро расходились по городам среди знати, ибо происходящее в слободе, куда для допроса вызвали Владимира и его мать, имело огромное значение для положения дел в государстве. Михаил Яковлевич Морозов, шурин Ивана Бельского, участника суда, узнавал все из первых рук, находясь на воеводстве в Смоленске.

Среди судей были Иван Мстиславский, Иван Бельский, Иван Пронский, Данила Захарьин и митрополит Макарий. Весь июль тянулось дело, наконец Владимир сознался, что знает с недовольными властью боярами, что Хлызнев был у него в гостях перед отъездом в Литву и теперь ждал государева решения. Владения, слуг и прочих придворных у него отобрали. Молвили, что Данила Захарьин прилагал многие усилия, дабы очернить и уничтожить государева брата, митрополит же, напротив, рьяно настаивал на прощении и помиловании (говорили, что в те дни от дряхлости его будто не осталось и следа). Наконец Иоанн согласился простить брата и вернуть ему удел, но с условием, что придворных в Старицкое княжество он назначит сам, из своих людей, дабы не было больше крамолы, да и чтобы сам Иоанн узнавал о положении дел в княжестве мгновенно от доверенных людей. Еще одним ударом государь решил навсегда усмирить Ефросинью, коварную, властолюбивую старуху, питавшую ненависть к Иоанну еще с его детских лет. Ее постригли в Воскресенский монастырь, что в Белоозере. Впрочем, постриг этот не означал, что княгиня должна была в смирении и лишениях гнить в келье – напротив, с ней отправили двенадцать верных боярынь, коих еще наделили окрестными землями, а самой Ефросинье позволялось выезжать из обители на богомолье.

– Князь Владимир Андреевич вернулся в Старицу и ныне здравствует, – докладывал Морозову верный ему гонец. Морозов удовлетворенно покачал головой и отпустил его. Большой, крепкий, с окладистой седеющей бородой, он встал из-за стола, на коем уложена была карта города и окрестных городов, подошел к иконам, перекрестился крепкой, пудовой рукой.

– Обошлось, Господи! Заступился!

Для знати было важно существование удельного князя, коего при случае можно было посадить на престол. Он был для них живым знаменем, потому Мстиславский и Бельский тоже вступались за Владимира. Морозов, представитель старинного боярского рода, родственник Бельского, одного из самых знатных и могущественных людей в государстве, был на стороне знати. Год назад выплатил государю огромную сумму, дабы заручиться за шурина, знавшегося с Литвой.

Жалобно скрипели половицы под его широкими сапогами. Боярин подошел к окну, стал глядеть. Внизу среди группы детей боярских стоял другой воевода Смоленска – Никита Васильевич Шереметев. Улыбчивый, высокий и худощавый, он умел расположить к себе людей. Морозов к этому родичу Захарьиных относился с опаской и недоверием, а когда Иван Бельский узнал, что Шереметева отправили в Смоленск под начало Морозова, велел приставить к нему шпионов, что боярин и исполнил.

– Ладно, братцы, добро, ежели что в разъездах станет видно, стрелой сюда! Смоленск, конечно, Полоцком прикрыт теперь, но мало ли что литовцы удумают! – говорил Никита Васильевич, отпуская ратников. Одного тронул за локоть и сказал: – Перед выступлением зайди ко мне, Никифор!

Крепкий ратник с рыжей бородой кивнул и, уложив на плечо копье, пошел вслед за всеми. Оглянувшись по разным сторонам, Никита Васильевич прошел в свой терем, отдал слуге ферязь, скинул с ног пропахшие потом пыльные сапоги, переобулся в домашние. Сел

за стол, отослал всех прочь и, оставшись один, достал из-за пазухи скомканную грамоту. Она была уже вскрыта – боярин читал ее ранее, но вновь взглянул на аккуратное письмо, писанное литовскими секретарями самого гетмана Радзивилла. В ней гетман призывал воеводу помочь ему в борьбе с кровавым и несправедливым царем, дабы Никита Васильевич передавал в Литву все известия о передвижениях русских войск, а затем, когда потребуется, сдал литовцам Смоленск.

Никита Васильевич задумчиво поглядел в окно и схватил себя за бороду всей пятерней. Ивана Большого, старшего брата его, в Москве посадили на цепь, словно изменника лютого – это Никита Васильевич не мог и не хотел принять. И виной тому Басманов. Алексей Басманов, коего Никита Васильевич помнил еще с казанских походов, набирает силу при дворе. С ним – Афанасий Вяземский, коего ранее не было ни слышно, ни видно, а ныне он, как и сын Басманова, всюду сопровождает государя. Недоброе творится в Москве, да и брата надо было спасать! И в то мгновение, когда Никита Васильевич, отягощенный всеми этими мыслями, искал выход, ему подбросили эту грамоту. В ней он и нашел решение всему – зачем служить неуголному государю, который по одному наущению поганых советников бросил в темницу его старшего брата? С тех пор Иоанн сделался для Никиты Васильевича первым врагом, он возненавидел его и желал ему смерти. И теперь, когда смертный враг государя обратился за помощью к воеводе, грех этим не воспользоваться!

И Никита Васильевич стал писать Радзивиллу ответ, в коем сообщал, что согласен послужить королю Сигизмунду. Вечером вызвал Никифора, передал ему сверток бумаги и велел доставить его к ближайшему литовскому разъезду.

– Сие для гетмана Радзивилла. А это тебе, – и сунул ему за пояс небольшой кошель, набитый монетами, а после добавил: – Столько же получишь, когда вернешься назад. Иди!

И, когда ратник ушел, снова стал оглядываться, словно затравленный зверь, и зашел в избу.

Ратник Никифор, обезоруженный, той же ночью стоял перед Морозовым. На столе боярина лежала вскрытая грамота Шереметева – ее боярин уже прочел, а также кошель с деньгами. Никифор, эта огромная детина, стоял перед воеводой, опустив голову. Сзади два ратника упирали ему в спину копья. Михаил Яковлевич тяжело глядел на него.

– Что он еще сказал?

– Ничего, Михаил Яковлевич, как есть, все сказал! – Никифор быстро осенил себя крестом и снова опустил голову. Кошель Морозов оставил себе, а грамоту велел передать в слободу вместе с письмом, в коем боярин докладывал об измене Никиты Васильевича Шереметева.

– А что со мною будет? – промычал гнусаво Никифор, с надеждой глядя на боярина.

– Тоже в Москву поедешь, пусть государь решает твою судьбу!

– Нет, помилуй! Помилуй! – Никифор бухнулся на колени, стал плакать и умолять боярина сжалиться. Ратники крепко схватили его под руки, держали, но он вырывался и плакал.

– Заткните ему глотку! – поморщившись от раздражения, приказал боярин.

Тем же вечером люди Морозова взяли Шереметева под стражу и ждали известий из Москвы.

* * *

В Великих Луках тем временем на воеводстве был другой брат Ивана Большого Шереметева – Иван Меньшой. Вскоре и там стало известно о заключении Никиты Васильевича, о его послании Сигизмунду, и весть эта легла новым пятном на семью Шереметевых. Иван Васильевич ходил мрачный, словно в воду опущенный. Тут же написал Феде, самому младшему брату, в Козельск, где он стоял младшим воеводой, дабы сохранял мужество и продолжал делать то,

что должен. Тут же справился о беременной супруге, написав в Москву, а после сидел за столом, закрыв лицо руками. Было темно – свечи он велел не зажигать.

Их род обезглавлен. Два старших брата, главы семьи, сидят в заключении с позорным клеймом изменников. Как бы и его, и юного Федю не наказали заодно! Что же делать?

– К тебе князь Иван Шуйский, господин, – после стука в дверь доложил слуга. Шереметев не ответил, сидел в том же положении. Наконец снова скрипнула открывшаяся дверь, послышались тяжелые шаги и голос:

– Здравствуй, Иван Васильевич! Чего в темноте засел?

Вяло поднявшись, Шереметев поприветствовал князя и велел слуге зажечь свечи.

– Отобедаете со мной? – спросил тихо Иван Меньшой.

– Благодарю, я сыт, – садясь за стол, говорил Иван Андреевич. Шереметев, глядел на него, словно изучая. Заматерел! Стал крупным, дородным, хотя был еще молод. На узком, скуластом лице его особенно выделялись холодные голубые глаза. Темно-рыжую бороду он коротко и аккуратно выстригал, голову брил наголо, как и многие в то время.

– Из Москвы пришел наказ зимою начать наступление на Вильно, ежели литовские послы откажутся принять мир.

– Откажутся! Все сейчас для того делают, дабы ослабить нас! – уверенно проговорил Шереметев. – Что ж, коли такое известие пришло, надобно готовиться. Кто во главе полков?

– Дядька мой, Петр Шуйский. Из Полоцка основное воинство выступит, кому-то из нас надобно с ними соединиться...

– Верно, ты хочешь пойти, Иван Андреевич?

– Ежели прикажут, – развел руками Шуйский.

– Дозволь мне. Дозволь я пойду! – глядя ему в глаза, говорил Шереметев. – Ты ведь слышал, что с моими братьями произошло? Мне надобно искупить вину нашей семьи перед государем... Дозволь мне сие совершить!

– Я слышал об этом и... будет, как прикажет государь, я ничего не могу содейть! – с легкой растерянностью отвечал Иван Андреевич.

Иван Меньшой, стиснув зубы, опустил голову и шумно выдохнул. Помолчав, Шуйский сказал:

– Не кручинься, Иван Васильевич. Все будет, как угодно Богу. Помнишь, кто я? Я сын казненного государем боярина. Казалось бы, семейству нашему не сыскать государевой милости, но вот – я пред тобой, служу, и благо скоро служить станут мои сыновья. Только лишь верностью своей можешь спасти вашу семью.

– Прав ты, Иван Андреевич, я запомню это. Спасибо тебе!

Они еще обсудили некоторые ратные дела, касаемые подготовки возможного выступления и обороны города, и после этого Шуйский покинул Ивана Меньшого, дабы осмотреть укрепления и рассредоточение по городу ратников. Дав на ходу несколько приказаний, поднялся на стену, огляделся. Тихо. Вдали над лесом собирались густые тучи, пахло осенью и скорым дождем. Ветер нервно гладил на плечах князя лисий полужубок. Устремив свое внимание на начинавшуюся грозу, воевода думал о своей жизни...

Вспоминал детство. Бегство из Москвы в темную зимнюю ночь после казни отца, жизнь со слугой Тимофеем в глуши, воспитание рядом с крестьянскими детишками, работа на земле. Покойного старика Тимофея он вспоминал часто. Что было бы с князем, если бы однажды Тимофей бесстрашно не бросился царю в ноги, моля о прощении своего воспитанника? Спустя годы, умирая, он заклинал Ивана служить государю верно.

Иоанн не умел прощать, но был милостив, потому позволил Ивану служить, но лишь сыном боярским, к тому же за скромное жалованье. Это было настоящим унижением для него, и ратники за спиной его посмеивались (в лицо боялся кто-то что-либо сказать!). Лишь спустя несколько лет он получил место в свите государя. Здесь свою роль сыграл его дальний

родственник Петр Шуйский, прославивший себя победами в Ливонской войне. Боярин решил поддержать обездоленного родственника, и лишь благодаря победам своим и доверию со стороны государя ему удалось спасти Ивана от унижения и нищеты. Это было очень вовремя, ибо у Ивана к тому времени уже было трое сыновей – Андрей, Василий и Александр.

Однажды Иван сказал Петру Шуйскому:

– Я рано потерял отца. Знай же, Петр Иванович, ты стал для меня вторым отцом. Из грязи меня вытянул, из позора...

– Шуйские всегда друг за друга стояли, – с привычной ему жесткостью произнес Петр Иванович, – плечом к плечу! Спина к спине!

Тогда Петр Иванович познакомил его со своим старшим сыном – Иваном. Тогда они, два Ивана, подобно братьям, обнимались, едва не плача от счастья.

– Глядишь, может, сведет вас потом судьбинушка! Стойте друг за друга горой! – наставлял Петр Шуйский, приобняв молодцев за плечи, будто оба были ему детьми...

Жизненный путь свел Ивана Андреевича с другим знатным и важным в государстве человеком – Иваном Бельским. Во времена малолетства государя их отцы, находясь на вершине власти, враждовали меж собой, и ненависть эта передалась их наследникам. Не упустили они возможности затеять местнический спор меж собой, который государь, все еще испытывавший к Шуйским неприязнь, решил в пользу Бельского, и Иван Андреевич попал в опалу. Проклиная Бельского, молодой князь пережил опалу и снова, благодаря Петру Шуйскому, вернулся на службу. Однако вражда меж ним и Бельским никуда не ушла...

Вместе с Петром Ивановичем и его сыном Иван Андреевич участвовал во взятии Полоцка. Они оставались в захваченном городе, а Ивана вместе с Иваном Меньшим Шереметевым отправили в Великие Луки на воеводство.

– Прощай! Глядишь, увидимся еще! – сказал ему на прощание Петр Иванович и крепко обнял...

Подобно пушечному выстрелу прозвучал раскат грома, и полил сильный дождь. Иван Андреевич с минуту постоял на стене, отвлекшись от мыслей, затем, дав еще некоторые наставления стражникам, удалился.

Глава 5

Осенью стало известно, что придут литовские послы, но Иоанн едва ли верил, что война окончится, и усиленно готовился к походу на Вильно. На содержание армии, отправлявшейся, помимо прочего, в дальний путь, тратились огромные средства, а по мере того, как совершенствовалось оружие, дорожало и его содержание. Подготовка занимала очень длительное время, и она уже шла задолго до того, как прибыли послы.

В ноябре после длительной болезни умер слабоумный брат государя Юрий. У него был один сын, да и тот скончался младенцем, поэтому Иулиания, вдова князя угличского, приняла решение после похорон мужа уйти в монастырь.

В полутемных покоях лежал Юрий Васильевич, тускло освещенный свечами, укрытый саваном по самую шею. На груди его лежала икона, на лбу – венчик. Иоанн сидел подле одра младшего брата и глядел на него. Казалось, смерть украсила его, черты лица, упокоенные и торжественные, выровнялись. Аккуратные брови, как у матушки Елены, дугами тянулись над закрытыми глазами, сомкнутый рот виднелся в жидкой бородачке.

– Мой несчастный брат, – тихо произнес Иоанн и уложил свою длань на холодный лоб мертвеца. Помолчав, царь добавил: – Несчастный брат. Все ждали твоей смерти в детстве, ибо не думали, что ты сможешь жить. Господь отмерил тебе тридцать один год. Более тебе не придется мучиться...

Он вспомнил его перекошенный слюнявый рот и снова испытал отвращение к нему, так знакомое с детства. Нет, он никогда не любил его, в детстве старался всячески избегать, и был рад, когда его наконец увезли в Углич – подаренный отцом удел. Как Юрий плакал тогда! Мычал жалобно, тянул к Иоанну руки, силясь обнять, дабы его не увозили от единственного родного ему человека. Юрий любил его по-детски преданно и восторженно вскрикивал при встрече со старшим братом, норовил броситься ему на шею (благо удерживали придворные), чем смущал и гневил Иоанна. Однако Иоанн никогда не изливал на него свой гнев, относился снисходительно и... продолжал всячески избегать.

И теперь его не стало. Нет «слабоумного» Юрия больше. Иоанн, закрыв глаза, прочитал над ним молитву, попросил прощения, поцеловал в венчик на лбу и, перекрестившись, вышел.

За дверью стояла тихо переговаривающаяся толпа придворных и бояр, и среди них – Иулиания. Иоанн остановился перед ней, княгиня поклонилась ему и не подняла глаз. Кажется, она была единственным человеком, который любил нежно и преданно государева брата, и теперь вся скорбь и неимоверная печаль были отражены на ее бледном лице. Иоанн вспомнил день их свадьбы, когда всматривался он в Иулианию, пытался найти хоть каплю отвращения к слабоумному, жалости к себе, красивой девушке, выдаваемой замуж за уродца. Но и тогда она светилась от счастья, с любовью глядя на сидевшего рядом с ней нарядного Юрия...

Расцеловал ее Иоанн и дал свое царское благословение, обещая, что в монастырских стенах вдова ни в чем не будет нуждаться. Улыбка чуть тронула губы Иулиании, и она, поклонившись, поцеловала руку государя...

Митрополит Макарий, несмотря на дряхлость, провел службу на похоронах Юрия и, придя после в свои палаты, рухнул в ложе без чувств. Димитрий вместе со слугами передевали лежащего обессиленного старика.

– Владыко, пора на покой. Проси государя отпустить тебя, – молил секретарь, сидя у ложа старика. Макарий, утонув в своем ложе, пусто и устало глядел в потолок.

– Как же без меня, Димитрий? Кто за бояр заступаться будет? Кто Печатному двору поможет? Скоро «Апостол» отпечатают... Много дел у меня еще!

– Ты и без того великое множество дел содеял, владыко! Слишком много содеял, остальное оставь продолжателям!

– Видать, прошел мой век, – грустно улыбнувшись, проговорил Макарий и замолчал. Потрескивали свечи, тускло освещавшие его покои – в последнее время он не любил много света, и скудный свет этот отражался в холодных выцветших глазах старика.

– Монастырь... Пафнутиев монастырь. Тишина кельи, служение Богу, – бормотал Макарий тяжело, – хочу уйти туда. Уйти из Москвы, оставить это бремя, дабы никого более не видеть здесь, не слышать. Алчность, похоть, ложь... я так устал читать это в лицах...

– Может, квасу, владыко? – осторожно спросил Димитрий. Макарий будто не услышал, продолжал говорить: – Надобно было после смерти Адашевых и изгнания Сильвестра уйти туда, но разве мог я оставить Русь без духовного пастыря? Разве мог позволить Иоанну губить бездушно слуг своих? Но друзей своих, Сильвестра и Адашева, я не спас. Не сумел спасти, испугался...

В глазах его блеснуло, и по морщинистой щеке скатилась слеза. Всклипнул Димитрий, утирая лицо владыки.

Вскоре митрополит участвовал в великом крестном ходе из Успенского собора в Сретенский монастырь. Лил дождь, и сквозь пелену льющейся с небес воды видны были многочисленные иконы и хоругви. С пением несли святыни мимо толпы горожан, и впереди процессии, опираясь на посох, мужественно и молча шел Макарий. После этого он слег с простудой.

В Москве наступила зима. Первый снег укрыл грязные улочки города, лег шапками на крышах домов и куполах церквей. Тогда же Макарий написал Иоанну, что намерен оставить митрополию и удалиться в места своего пострижения – Пафнутьев монастырь. Ожидая ответа государя, Макарий не покидал ложа и либо глубоко спал, либо просил Димитрия читать ему Евангелие. Молча слушал он писанное, уже давно известное ему наизусть, но, кажется, даже сейчас, на закате жизни, открывал в нем что-то новое – либо удовлетворенно кивал, либо улыбался счастливо, будто находил, наконец, долгожданные ответы на вечные вопросы.

Весть о том, что государь решил навестить его, не удивила старца, и он велел подготовиться к сему. Его обмыли, причесали и уложили душистыми мазями бороду, облачили в рясу, на голову водрузили белоснежный куколь с вышитым серафимом. Накрыли небольшой стол – скромно, даже по-монашески скудно – в блюдах и чашах лежали различные ягоды, сушеные грибы, яблоки, медовые соты, хлеб.

Государь прибыл с двумя сыновьями – девятилетним Иваном и шестилетним Федором. Мальчики робко вступили во владычьи покои, где восседал за столом большой седобородый костистый старик, упирившийся двумя руками о резной посох. Непривычно для них пахло здесь старостью, непривычно скудно был обставлен стол. И они глядели на древнего старца изумленно, с трепетом.

– Благослови меня и детей моих, владыко! – просил Иоанн, стоявший позади сыновей. Макарий со слабой улыбкой кивнул и подозвал мальчиков. Каждого большой, все еще крепкой рукой перекрестил, прочитав короткую молитву. Иоанн же с почтением поцеловал эту руку и проговорил с мольбой:

– Пришли я и сыновья мои просить тебя, владыко, не оставлять своего стола, не покидать Москву, дабы не осиротели мы без духовного пастыря нашего.

– Изберут нового, как и прежде было, – отвечал Макарий, не поднимая глаз на Иоанна. Государь выпрямился, шумно вдохнул тяжелым носом воздух и кликнул кого-то. В покои тихо вошел Василий Захарьин и тут же поклонился владыке. Митрополит исподлобья тяжело глядел на вошедшего. Иоанн подтолкнул к нему сыновей, и Захарьин, бережно дотронувшись до русых головок царевичей, вышел с ними за дверь, оставив царя и митрополита наедине.

За окном завывал зимний ветер. Здесь же, в этом полумраке, было тепло и тихо. Иоанн медленно обошел стол и сел в кресло напротив Макария. Какое-то время они молчали, не глядя друг на друга и не притрагиваясь к еде.

– Ведаю, что разлад меж нами, – прервал тишину Иоанн, – ведаю от чего. Не можешь принять того, что соратники твои стали изменниками. Думаешь, я не страдаю от сего? Думаешь, не приходит ко мне по ночам Лёшка Адашев? Не хотел я смерти его, хотя и был он изменником...

– Изменники и ныне у ноги твоей, – ответил Макарий, исподлобья взглянув на государя. Иоанн горько усмехнулся и подался вперед:

– Ведаю! Токмо не дают мне наказывать их так, как они того заслуживают! Заступаются друг за друга. И ты за них заступаешься.

– Разве не пристало быть милосердным христианскому царю? – тут же выпалил Макарий.

– Хочешь, дабы я по Христову ученью левую щеку после правой подставлял? Не бывать сему! – отрезал Иоанн и, вскочив из-за стола, принялся мерить покои шагами. Макарий недвижно сидел, опустив веки.

– Ты же всегда был сторонником просвещения, много содейл для этого, – тяжелое дыхание порой прерывало речь государя, – отчего же ты не хочешь помочь мне построить новую Русь? Ту самую, где выше царя не будет никого, где никто не посмеет посягать на его безграничную власть, где у бояр не будет силы, способной противостоять этому!

– На крови Русь построить решил? – не поднимая век, молвил митрополит.

– А разве есть иной путь? – Лик Иоанна был страшен от злобы, от оскаленных зубов, от вытаращенных глаз. – Все империи строились на крови и...

– И погибли за великие грехи свои, – перебил его Макарий и впервые взглянул на царя своими холодными выцветшими глазами, – нет, у Руси должен быть иной путь. Путь, созидющийся на любви к Господу и друг другу. Вспомни Византию! Целую тысячу лет они только и делали, что резали друг друга, позабыли соборные деяния, мечтали лишь об обогащении своем, продались латинянам и, в конце концов, оставленные всеми, погибли. Господь не покарал их, нет! Он оставил греков с тем, с кем они захотели быть, – с сатаной, и позволил ему сожрать их! Ныне Русь несет крест Византии. Константинопольский патриарх признал тебя царем, потомком цезарей. В твоём царстве оплот православия! Кончены распри, дед и отец твой объединили все русские земли, кроме тех, что остались под Литвою! Удельные князья стали твоими боярами, твоими подданными! Они нужны тебе, и ты им нужен! Вы, словно заблудшие овцы, идете на поводу у волков, у прихвостней сатаны, стремящегося вновь рассорить вас!

Побледневший Иоанн замер, в глазах его блеснули слезы. В голосе Макария оживило прежнее могущество, во взгляде – присущая ему твердость.

– Ты в окружении иных врагов, с юга татары, на западе лютеране – в них есть сатана! И они будут все делать, дабы уничтожить тебя и Святую Русь! Господь не оставит ее, не оставит тебя, ежели все будет согласно заветам Его! Примирись с братом, примирись с боярами, без них у тебя не будет тех, кто сможет с тобою вместе защищать и приумножать державу!

Царь молчал, и Макарий решил, что достучался наконец до него. Иоанн вдруг нервно и скупно улыбнулся и, взглянув куда-то в сторону, проговорил:

– Найдутся люди, я сам выберу их. Изменники же будут нести должное наказание и поныне. Верные будут обласканы. Все как и прежде. Но новая Русь родится, и сие будет истинное царство Господа, царство любви и благоденствия. Боярам и удельным князьям нет в нем места. И церковь примет и поддержит деяния мои!

Макарий молчал, вновь опустив голову. Новая Русь, новое царство, в котором и ему, сыну прошлого столетия, тоже нет места. Он молвил тихо:

– На все Божья воля...

Иоанн понял, что больше им не о чем говорить. Он попросил благословения и, получив его, ушел. После того вошел Димитрий и, окинув беглым взглядом нетронутые на столе яства, бросился к Макарию.

– Что ты ответил государю, владыко?

– Ничего пока, – вновь устало и отрешенно заговорил старец, – ежели надобно так, ежели это крест мой, митрополичий сан понесу до гроба. Недолго осталось...

За узорчатым слюдяным окном, завывая, ревел зимний ветер...

* * *

– Васька, неси еще кипятку, зябко! – хрипло приказал слуге лежавший под шкурами Андрей Курбский и закашлял. Князю нездоровилось, видать, простыл, когда выходил вместе с разъездом, да к тому же сказываются переживания, мучающие его уже который год. Падение и гибель Адашевых, его друзей, не давали ему покоя.

После взятия Полоцка Курбский был отправлен воеводой в Юрьев, в коем и сидит уже почти год. Никакой благодарности и подарков от государя после той победы он не увидел и, кроме того, был отправлен в Юрьев, туда, куда перед смертью был отправлен Адашев.

Курбский боялся смерти, как и все люди. Раньше, во времена походов на Казань, в нем было больше удачи, он мог с оголенной саблей лететь на врага впереди целого полка, не боялся боли и ран. А сколько лошадей было под ним убито! О, это были славные годы.

Теперь же, когда погибли друзья (несправедливо, как считал Курбский), появился этот животный страх смерти. Князь слишком любил себя и дорожил тем, что имел.

Может, постоянное ожидание опалы сыграло роковую роль в том, что он не смог овладеть недавно городом Гельметом? Да, когда его потрепанный литовскими пушками полк возвращался в Юрьев, Курбский уже думал и ждал, что теперь его непременно казнят. Но Иоанн молчал, и молчание это вызывало еще больший ужас и трепет.

– Княже, принес я, травы заварил целебной, – сказал с заботой появившийся Васька Шибанов. Он протянул господину чашу с горячим отваром.

– Спасибо, Вася, ступай, – кивнул Курбский и, приподнявшись в ложе, начал осторожно пить. Когда с горьковатым отваром было покончено, князь, кутаясь в овчину, поднялся – надоело лежать. На столе грудились различные бумаги, карты, в кожаных переплетах лежали небольшой стопкой книги – князь был очень грамотен, любил чтение и письмо. Из-под этой груды он достал вскрытую грамоту. На ней была печать с изображением герба Великого княжества Литовского.

Недавно он получил письмо от гетмана Ходкевича, в котором он призывал князя перейти на службу к королю Сигизмунду. Взамен были обещаны богатые и обширные владения, почет и, главное, безопасность. Курбский был слишком умен и жаден, чтобы поддаться сразу на столь туманные обещания – ему нужно было знать точно, чем станет он владеть в случае побега. В нем было еще кое-что, что не давало князю тут же сбежать – совесть и... страх. Он тут же вспомнил Дмитрия Вишневецкого, доблестного воеводу, соратника Данилы Адашева. Горячий, буйный, он бежал в Литву, где вскоре пал жертвой интриг – литовцы выдали его турецкому султану, и тот казнил Вишневецкого, подвесив крюками за ребра...

Курбский, поглядев задумчиво на сломанную печать, вновь спрятал грамоту. Как он сможет оставить беременную супругу, сына? И гнев государев непременно обрушится на родичей князя, имеющих значительное состояние. И царь отберет все – он был уверен.

Взяв кочергу, Курбский присел у печи и поворошил в ней горящие угли. От горячих камней струилось тепло. Князь с тоской вспоминал время, когда страной управляли Адашев, Сильвестр и Макарий. Тогда Иоанн был истинным пастырем народа своего, просветителем державы. А что теперь? Безбожные придворные, захватив власть, омыли ум и сердце государя ядом, убедили отвергнуть и уничтожить советников, и руками государя продолжают лить кровь на русской земле – Курбский знал обо всех действиях против знати! Советники!словно горя-

щее колесо набирает ход – и вот вскоре остановить его уже невозможно – так они создают деспота! Сами же кровью умоются от деяний своих!

Не выдержав, Курбский бросил кочергу на пол и, повернувшись к иконам, перекрестился:

– Прости меня, Господи, раба Твоего! За содеянное мною и то, что будет содеяно – прости и помилуй!

Он вздрогнул, когда неожиданно скрипнула дверь, но, обернувшись, увидел слугу Ваську и облегченно выдохнул:

– Чего тебе?

– Прости, княже, к тебе воевода Дмитрий Хилков прибыл. Говорю ему, мол, занедужил Андрей Михайлович, а он слушать не хочет!

– Зови! – махнул рукой Курбский и велел подать кафтан.

Герой казанского похода потучнел в последние годы, уже и обычная ходьба вызывала у него одышку. Красный от мороза, он вошел в избу Курбского, снял шапку и, перекрестившись на иконы, подставил свои холодные щеки для поцелуя. Трижды расцеловавшись с пришедшим, Курбский пригласил его к столу, куда Шибанов принес только что горячего сбитня, ягод и квашеной капусты.

– Прости, не ждал тебя, нечем попотчевать, – виновато указав на скудный стол, проговорил Курбский и прокашлялся.

– Ты, верно, забыл, как я под Казанью целыми днями не ел, – с кряхтением усаживаясь за стол, проговорил Хилков, – а вот от горячего сбитня с мороза не откажусь...

Сели за стол, выпили меда, из чаши капусту брали руками.

– Временно назначили меня воеводой к тебе в Юрьев, – чавкая и шумно сопя, говорил Хилков. Он жевал, и с челюстью вместе двигалась борода, к коей уже прилипли кусочки капусты.

– Благо хоть временно, – ответил Курбский, отвернувшись, – надолго ли я тут?

– А что тебе не любо? Воевода Юрьева значится наместником Ливонии.

Курбский обернулся к нему:

– А ты вспомни, куда Адашева перед его смертью отправили? Сюда, в Юрьев! Вот теперь и я здесь! Наместник Ливонии! Хороша оказанная мне милость государя после того, как я под пулями и ядрами туры ставил у стен Полоцка! И что же? Вместо благодарности и позволения отпустить меня домой, в Москву, почти год уже сижу в Юрьеве!

– А слыхал ли ты о заговоре Владимира Старицкого? – прищурившись, спросил Хилков.

Курбский усмехнулся:

– Не верю я в тот заговор! Не такой человек Владимир, чтобы за власть бороться! Мать его, полоумная старуха, могла бы, а он нет! Правильно Иоанн сделал, что постриг ее в монастырь!

– Верь, не верь, а, говорят, следствие не окончено! Ищет государь по-прежнему виновных! А ты – сродный брат супруги князя старицкого! И с тебя спрос будет! – чинно разливая в чарки медовуху, молвил Хилков. Едва Курбский потянулся за своей чаркой, Хилков схватил его за рукав и, сверля тяжелым взглядом, сказал:

– И мне интерес с того есть, дабы тебя предостеречь, ибо и мы с тобой родичи! Почитай, ныне вся родня в ответе за деяния одного из семьи!

– Чего? – с презрительной усмешкой проговорил Курбский и вырвал свой рукав из пальцев Хилкова, а сам подумал: вот зачем ты, боров, приехал ко мне, за шкуру свою трясешься!

– А ты вспомни казни после падения Адашевых? – горячо отвечал грузный боярин, подавшись вперед. – Сатины, Шишкины – все, кто родня им были, всех государь вырезал! Семьями целыми на плаху отправлял! Вспомни Кашева и Курлятева, коих и монашеский

постриг не спас от расправы – в кельях задушены по приказу государя! Кончился ли сей кровавый список или пополнится новыми именами?

– Так ведомо, как они на плаху попали! Все они при Адашеве службу несли, да абы как! Там украдут, там обманут, там кого-то разорят – и все себе в сундуки, как с цепи сорвавшись! – неожиданно для себя выпалил Курбский, говорил и не верил, что оправдывает Иоанна, к коему давно испытывает страх и ненависть. – Иван Шишкин, родич Адашевых, наместник Стародуба, хотел эту крепость литовцам продать! Благо заговор вовремя раскрыли!

– Я не об том! Каждому по заслугам его – да будет так! Только вот один изменник – а на плахе все! – утверждал Хилков, певуче протянув слово «все». – Я просто указал тебе, как целые роды страдали из-за деяний одного проходимца!

Курбский понимал все это давно и теперь сидел на скамье словно придавленный. Почему-то именно сейчас перед глазами была казнь Данилы Адашева и его сына. Он вспомнил старика Мефодия, едва пережившего гибель своих воспитанников. Где он сейчас? Ни слуху о нем за два года...

– То деяние государевых советников! – продолжал Хилков, со злобой стиснув зубы. – Лишив родовитую знать влияния и власти, хотят они нас искоренить! Сие скоро случится, ежели мы ничего не содеем! Только советники и сами могут меж собой резаться начать. Новая сила при дворе у Алексея Басманова. Но нам все одно – хрен редьки не слаще!

– Не могу более слушать это! – схватившись за голову, воскликнул Курбский.

– И мое сердце кровью обливается, – ласково пел Хилков, – род мой от самого Всеволода Большое Гнездо идет, а безродные родственники государевы нас, Рюриковичей, словно зайцев травят! Не могу я в страхе жить, у меня два сына! Что делать станем?

Курбский медленно выпил и пристально взглянул собеседнику в глаза, пытаясь понять – заодно с ним Хилков, или его нарочно из Москвы прислали, дабы загубить Андрея Михайловича? Нет, лицо осунувшееся, измученный, жалобный взгляд, словно у зверя загнанного.

– Одно могу сказать, Дмитрий Иванович, коли пойму я, что угрожает нам гибель, я придумаю, как нам спастись! Не брошу тебя!

– Храни тебя Христос! – с великой радостью в глазах воскликнул Хилков и перекрестился замасленными перстами...

Когда ушел он, Курбский еще думал о нем, способен ли этот толстяк предать его. Но затем уверил себя, что боярин слишком глуп и недалек, чтобы стать частью заговора...

Курбский понял, что однажды придется решиться на побег. Он с тоской поглядел на свои ратные доспехи, висевшие на стене. Заботливо погладил прохладную сталь брони. В них убежать не получится – больно тяжелые. Эх, бронюшка! Сколько раз спасала от стрелы, от вражьей сабли!

Князь подошел к столу, начал собирать в одну стопку многочисленные исписанные листы – это его размышления о власти, религии, о роли самодержца в судьбе Руси. Здесь же, на этих листах, излита его злоба – бумага стерпела все то, о чем князь умалчивал с людьми. Все эти свитки и листы он упрятал за печку, а после уселся напротив нее и снова стал задумчиво глядеть на раскаленные угли.

Гетман Ходкевич хочет, чтобы князь, прежде чем назвал цену свою за побег в Литву, был полезен королю Сигизмунду. Курбский понял, чего от него хочет литовский воевода, и вскоре сел писать ему ответное письмо.

Глава 6

Прибывшие в столицу в декабре 1563 года литовские послы встретились с дьяком Висковатым, Даниилом Захарьиным и другими боярами. Как рассчитывали в Москве, литовцы сами попросят мира и пойдут на любые уступки, но с первых минут переговоров они проявили свою жесткость – требовали отдать Литве Новгород, Псков и многие другие земли, на что Висковатый, усмехаясь, отвечал:

– Тогда для надежного мира пусть ваш король отдаст нам Киев, Волынию с Подолией. Известно, что в древние времена и Вильна принадлежала России – ее мы тоже требуем себе!

Литовские послы начали возмущаться, говорить о том, что такие требования недопустимы. Они знали, что в случае провала переговоров русские возобновят боевые действия, и, кажется, совсем не боялись этого, будто были уверены в своих силах. Тогда Данила Захарьин поднялся с места и начал говорить раздраженно, тыча пальцем в сторону послов:

– Что говорить с ними? Их лукавый король не хочет именовать нашего государя *царем*, не признает за ним этот титул! И, кроме того, намеревается владеть Ливонией, где в давние времена были земли предка государева – Ярослава Мудрого!

Литовская делегация возмущенно зашумела. Переговоры заходили в тупик. Висковатый, устав от споров, заявил:

– Государь наш согласен заключить с вами перемирие на десять лет, если все завоеванные в ходе войны земли Ливонии останутся под его властью...

Было ясно, что условия, выставляемые обеими сторонами, никого не устраивают, и собирались уже послы уехать, как случилось то, что заставило их задержаться. Произошла потеря не только для Российского государства, но и для Иоанна лично – скончался митрополит Макарий.

Трижды ударил Успенский колокол на колокольне Ивана Великого. Плачущий и молящийся народ толпился возле Успенского собора, где уже было выставлено тело умершего.

Первым туда явился Иоанн – царь должен позволить начать церемонию. Лицо его было серым и каменным, было видно – скорбит государь. Макарий когда-то во многом заменил ему родителей, и теперь Иоанну казалось, будто хоронит он родного отца.

Архиереи и другие священнослужители толпились во мраке у стен. В тишине у освещенного алтаря были только двое – царь и усопший. Да, в последние годы меж ними был разлад, но сейчас все это было не важно. Государь хоронил близкого себе человека. Последнего, коего он по-настоящему чтит и любит. Глядя на укрытое по грудь бархатным покровом тело, Иоанн вспоминал, как еще мальчишкой, притесняемый боярами, плакал на плече митрополита, как старец, расчесывая волосы ему, рассказывал о величии царской власти, вспоминал отцовскую нежность в глазах Макария, когда Иоанн венчался на царство, когда обручался со своей первой супругой Анастасией. Вот бы снова увидеть эти глаза! Но лицо митрополита было укрыто шелковым покровом с изображением херувимов и вышитым посередине крестом. Царь перевел взгляд – за гробом стоял пустовавший трон митрополита с подушкой и посохом его. Иоанн поцеловал покров на лице Макария, прошептал:

– Я остался совсем один... Я остался один...

Когда Макария еще не предали земле, епископы уже обсуждали – кто займет митрополичий престол? А в марте на свет появится одно из главных детищ Макария – напечатанный Иваном Федоровым «Апостол». Владыка совсем немного не дожил до сего важнейшего события в истории российской культуры, для коей он так много содейл...

Но пока литовские послы в спешке отъезжали в Вильно, дабы сообщить королевскому двору о смерти влиятельнейшего в Москве человека, русское войско готовилось к выступлению.

Полоцк

– Иван! Прикажи, дабы постромки проверили! Не то снова пушки увязнут, отваятся, не поднять их!

Громкий голос Петра Шуйского, больше похожий на рык, был слышен издалека – нарочно отдавал приказы не слугам, а сыну, дабы сам всему усерднее и скорее учился. Он уже стоял на крыльце, широкий, грозный, нахлобучив соболью шапку на глаза, укутавшись в медвежью шубу. Обводил глазами закованных в броню крепких ребят, что уже ждали в седлах. Над ними стоял густой пар от мороза. Знамена и хоругви вздымались над отрядом.

Едва из Москвы пришел приказ о выступлении, Шуйский передал его своим младшим воеводам Семену и Федору Палецким, Ивану Охлябину и прибывшему недавно из Великих Лук Ивану Шереметеву Меньшому – двигаться с войском к Минску, соединившись пред этим под Оршею с войсками Василия Серебряного, выступавшего из Вязьмы. Шуйский торопился, и воеводы за спиной его сетовали, что точного плана наступления нет, но в лицо ему высказать того никто не решился...

– Все готово, отец! – Сын Иван стоял внизу, преданно, с обожанием глядя на родителя. Ничего не ответив ему, Петр Иванович, взявшись рукой в широкой перчатке за рукоять висевшей на поясе сабли, стал медленно спускаться с крыльца. Вычищенные от снега деревянные ступени жалобно поскрипывали под его остроносые сапоги. Проходя мимо сына, мельком подумал о том, каким вырос статным – истинно благородная кровь! И храбрости не занимать. Одно худо – удали много, но сие пройдет с годами.

– Отец! Дозволь мне с тобой? – несмело попросил юноша, когда Петр Иванович остановился перед своим боевым конем и взялся руками за луки седла. Отстоявшись, сунул сапог в стремя и с кряхтением влез на коня, который, почуяв тяжкий вес хозяина, храпнул и мотнул головой.

– Такого приказа не было! – возразил он наконец. – Сиди в Полоцке, жди вестей. Матери с Никиткой напиши, скажи, дабы молились обо мне.

И, взявшись обеими руками за поводья, тронул коня, увлекая за собой весь полк. Воевода не увидел, как сын с досадой глядит ему вслед, с трудом унимая свой юношеский пыл. Не было ни прощания, ни объятий – того, чего Иван так ждал от отца.

Отец был строг с ним ровно с тех пор, как Иван вырос, покинув мамок. Порой он ощущал себя пристыженным, когда отец позволял себе отчитать его при ратниках – и тогда сын ненавидел его! Он не ведал, что Петр Иванович, будучи строгим, пытался воспитать в сыне достойного мужа, верного своему отечеству, своему делу и слову. И, несмотря на всю эту строгость, любил своего старшего сына.

Вскоре всадники скрылись за закрывшимися городскими воротами.

– Стало быть, они проходят здесь? – спрашивал лазутчиков Николай Радзивилл. Он указывал широкой волосатой рукой на один из участков расстеленной на столе карты.

– Здесь, пан гетман, – склонили головы два низкорослых парня в изгвазданных грязью платьях. Радзивилл хмыкнул и оглянулся назад. За его спиной стояли другие воеводы, в том числе гетман Ходкевич. Все облачены в шубы, надетые поверх панцирей. Радзивилл взмахом руки отослал лазутчиков и подошел к Ходкевичу.

– Стало быть, верно князь твой указал? – спросил он, задумчиво потирая седеющую черную бороду.

– Стало быть, верно, пан Радзивилл, – склонил голову Ходкевич и усмехнулся краем губ – от канцлера, как всегда, пахло винными парами.

– Все равно не доверяю я ему... как его?

– Курбский...

– Курбский! А что, ежели неправдой хочет погубить нас? Либо мы их остановим, либо потеряем столицу... Тогда заведомо можно считать войну проигранной. Шляхта откажется Литве помогать, об объединении не будет и речи...

– Не можем мы поступить иначе, пан Радзивилл, не можем не довериться ему! – возразил Ходкевич и широкими шагами приблизился к столу.

– Здесь их и встретим! – Он указал пальцем на местечко Чашники, что под Витебском. – Коли победим, так остановим их продвижение в Литву. Ратников у них не столь много, видать, идут на соединение с другими полками. Но бить надо именно этот полк, ибо ведет его Петр Шуйский, их живое знамя! Здесь задушим их! А коли сумеем пленить воеводу, тогда царь Иоанн и его высокомерные бояре по-другому с нами заговорят!

– Здесь леса, очень хорошо, – Радзивилл тер свою бороду, не отрывая взгляда от карты, – можно устроить засаду. Так понесем меньшие потери.

– Выпало много снега, – кивал Ходкевич, – это нам на руку. К тому же они торопятся на соединение, не успеют опомниться, как окружим их.

– Да будет так! Выдвигайтесь! – решительно скомандовал Радзивилл, и, когда воеводы начали покидать его шатер, он приблизился к накрытому столу, где уже ждали графин с его любимым вином и серебряные кубки. Налив, тут же выпил залпом. Ходкевич стоял, сложив одетые в кожаные перчатки руки на рукояти сабли, глядел на стареющего канцлера, медленно убивающего себя пьянством.

– У меня восемь детей. Что станет с ними, ежели я паду в этой битве? Петр Шуйский силен, – вытерев бороду, пробормотал канцлер.

– Мой отряд будет прикрывать вас, пан Радзивилл, – заверил его Ходкевич с усмешкой, – вы скорее будете сражены вином, нежели вражеским клинком.

Радзивилл знал о прямоте своего верного помощника, любил его острые шутки.

– Вели выступать. Пора! – коротко усмехнувшись, приказал он и налил себе еще вина.

Битва при Чашниках изменила ход Ливонской войны. Нерасторопность русских воевод, плохое знание местности и, конечно же, прямая измена (вероятно, не одного Курбского) в рядах московского командования предоставили литовцам возможность остановить наступление русских и не дать завершить войну с благоприятным для них исходом.

Сначала по стройно идущему вдоль проторенной дороги полку ударили с двух сторон из пищалей литовские стрельцы. Все брони (по ужасной ошибке Шуйского) были в санях, ибо в столь глубоком снегу тяжело и долго шло бы закованное в панцири войско, поэтому, сраженные пулями, русские толпами валились с ног. Кровь текла ручьями, растапливая снег, отовсюду летела брызгами. Всадники, успокаивая лошадей, вертелись на месте, кто-то мчался взад-вперед – началась суматоха.

Петр Шуйский, застыв на месте, потерял дар речи, просто стоял и глядел ошалело, как гибнет его войско. Иван Шереметев Меньшой, вспомнив о положении своей семьи, переборол всякий страх и, вырвав саблю, начал скакать вокруг толпившихся ратников, веля им выстроиться и готовиться к обороне. Одна из пуль звонко стукнула по его шлему, и оторвавшаяся бармица вялым тряпьем свисла на плечо.

Звуки рожков и труб слились в один неясный гул, когда из леса со всех сторон вылетела тяжелая литовская конница, облаченная в панцири, и стала обхватывать противника в клещи. Тут русские воодушевились, завязалась рубка. В вихре поднимающейся снежной пыли дрались конные ратники на танцующих лошадях. Хруст костей, стоны и крики раненых, свистящая и булькающая кровь, ржание лошадей – на дороге в тихой лесной глуши начался настоящий ад. Вот кто-то из русских ратников, бросив оружие, схватившись за взъерошенную голову, бежит с перекошенным от ужаса лицом, проваливаясь в снег.

Петр Шуйский к тому времени лежал в снегу, придавленный своим убитым конем – его изрешетили пули. Кажется, при падении в стремени свернулась нога, и теперь он не мог ею пошевелить.

– Сломал ногу, что же это! – вопил он, чуть не плача. Шлем откатился прочь, от пояса оторвалась и пропала в снегу сабля в покрытых камнями ножнах.

Воевода Семен Палецкий бился с двумя литовскими боярами одновременно. Одного все же сумел ткнуть саблей в шею и отбить удар второго, но подоспевший литовский пехотинец ударил его пикой в бок, спасла кольчуга. Палецкий отвлекся от своего главного противника, и тот вовремя засапожным ножом ударил его в горло. Палецкий, хрипя от ярости и боли, уронив саблю, зажал то место, откуда била толстой струей кровь, и в то время уже двое сумели пробить его пиками и поднять наверх. Его брат Федор увидел, как Семена держали на пиках, видел, как умирал он, заливая противников кровью, и хотел было броситься к нему, но вражеская пуля попала ему в нижнюю челюсть и разорвала ее. От боли он рухнул с седла и был затоптан насмерть пронесшейся литовской конницей.

Молодой воевода Охлябинин видел, как раненный пикой в плечо Шереметев покидал поле боя, и понял, что ему не совладать с напирющим врагом. Обессиленный, он дал литовским ратникам избить и повязать себя, но зато остался в живых.

Поражение русских было неизбежным и необратимым. Чуть поодаль, у старых раскидистых сосен, наблюдал за битвой Радзивилл. Ветер трепал перья фазана на его меховой шапке. Его охватил ужас от того, что он видел. Это была настоящая кровавая бойня. Вымазанные кровью ратники рубили друг друга, дрались, катаясь в снегу, хватаясь окровавленными скользкими руками за лица и бороды противников. Метавшиеся испуганные лошади владели за собой убитых всадников.

– Пан Радзивилл! Мы взяли в плен воеводу Охлябинина! – доложил подъехавший гетман Ходкевич, на лице его была счастливая и гордая улыбка.

– Где Шуйский? – не взглянув на него, сурово спросил Радзивилл.

– Пока не можем знать...

– Ищите! Он нужен мне живым!

Тем временем Петр Шуйский уже успел покинуть поле боя. В снегу, возле труп его коня, осталась лежать шуба, парчовая ферязь, шлем, великолепная броня, пояс с камнями. Кольчугу сбросил по пути. Он, не проиграв ни одного сражения, уполз, пораженный страхом, уполз брюхом по снегу, волоча за собой сломанную ногу. Позади себя он еще долго слышал затихающий шум битвы, но вскоре все смолкло. Прислонившись к сосне, он сел отдышаться. Зимний лес молчал, безмятежно на легком ветру качались укрытые снегом ветви деревьев. В небе кричали вороны – спешили на великий пир...

Петр Шуйский глядел, задрал голову, на воронью стаю и вдруг зарыдал. Схватившись руками за полуседые кудри, всхлипнул и завыл от отчаяния, стыда и страха. Где-то там, за перелеском, бродят литвины, которые наверняка вздернут его, ежели попадетсся он им в руки. Но оружия нет, отбиваться нечем, да и как драться со сломанной ногой?

Холод сковывал тело, била крупная дрожь, но лоб был покрыт испариной, словно после бани. Поначалу Петр Шуйский решил, что останется здесь, у этой сосны, но вскоре начало смеркаться, где-то вдалеке завывли волки, видимо, тоже почуяв кровь. Нужно было уходить! Найдя толстую длинную ветку, воевода поднялся и, опираясь на нее, побрел, не зная куда.

Когда уже совсем стемнело, а тело промерзло настолько, что перестало слушаться, вдалеке наконец показалась деревня. Над домами стоял печной дымок, в окнах, затянутых бычьим пузырем, слабо горел свет лучины. Вскрикнув, князь бросился туда, падая на ходу и с глухим рычанием поднимаясь вновь – от голода, холода, страха и боли он совсем обезумел. Какой-то мужик шел в темноте с вязанкой дров на плечах, увидел его и остановился настороженно. Заметил его и Шуйский, хромя, бросился к нему по глубокому снегу, но, вскрикнув от боли,

рухнул вниз лицом. Мужик, отложив вязанку и вынув из-за пояса топор, приблизился к нему. Шуйский тем временем, крича, силился встать, щурясь, пытался разглядеть подошедшего. Плечистый, низкого роста, одетый в овчину, голова не покрыта, широкая черная борода вскло-чена.

– Христом Богом молю, помоги! – забывшись, выпучив глаза, заговорил по-русски Шуйский. – Нет сил, замерз! Дай кров и еды! Не забуду, отплачу!

Услышав русскую молвь, мужик отступил, насторожившись. Видимо, тогда князь понял, что совершил ошибку – в Литве русских не жалуют, ибо прослышаны все о жестокостях в Ливонии, о тирании московского царя.

– Нет, не выдавай меня никому. У меня в сапоге деньги, возьми их, но не выдавай, – примирительно подняв одну руку, второй князь полез в сапог. Едва ли не все тогда носили в том месте ножи-засапожники, и мужик, испугавшись, решил ударить первым. С глухим стуком топор ударил Шуйского по макушке и глубоко воткнулся в череп, и тут же обильным потоком из ушей и ноздрей князя хлынула темная кровь. Он завалился на спину, сильная судорога била его ноги. Тяжело дыша, мужик отстоялся, выждав, когда тот затихнет.

Ноги в сафьяновых остроносых сапогах еще дергались, когда крестьянин принялся стаскивать эти самые сапоги. Из правого, в который полез князь, выпал небольшой мешочек с деньгами. Схватив сапоги и кошель, позабыв в снегу топор и дрова, бросился домой, где рассказал жене о том, что удалось ему пережить. С удивлением рассматривала тощая, измученная женщина эти самые сапоги, заглядывала мужу через плечо, когда он развязывал мешочек. Там было несколько золотых и серебряных монет.

– Припрячь куда-нить, да подальше, – велел мужик своей оторопевшей жене, отдал ей сапоги и деньги, а сам из сеней заглянул в горницу. На печи спали трое его ребятишек, укрывшись овчиной. В углу горела лучина, тускло освещавшая их скудное жилище. В то мгновение мужик подумал, что отныне заживет по-другому – с монетами и такими-то сапогами!

Вскоре пошел к соседу, коему рассказал о недавнем происшествии, но о деньгах и сапогах, конечно, не обмолвился ни словом. Затем позвали других соседей. Собравшиеся мужики двинулись к лежавшему на том же месте труп. Возле головы его, повернутой вбок, чернела в снегу растекшаяся лужа крови.

– Знатно ты его, – протянули мужики. Обыскали, нашли лишь висевший на шее серебряный крестик и едва из-за него не подрались. В итоге решили, что за него для всей деревни поровну купят скотины, еще не ведая, что ничего не смогут за него получить. После размышляли, куда деть труп. Решили бросить в заброшенный колодец – уже много лет вместо воды там болото...

Тяжело всплеснулась застоявшаяся вода, пошумела и вскоре затихла...

Тем временем Василий Серебряный, узнав о разгроме основного русского войска, решил отступить со своими полками в Смоленск. Но, уходя, озлобленный, велел опустошать все литовские деревни, попадавшиеся на пути. Население нещадно вырезали, брали в плен, хаты поджигали.

Оставляя после себя лишь убитых и груды пепла, Василий Серебряный пришел в Смоленск с богатой добычей и сотнями пленных...

Уцелевшие после битвы ратники, бросив убитых и обоз, возвращались в ближайшие города. В Великих Луках Иван Андреевич Шуйский со стены наблюдал, как к городу приближалась ватага потрепанных всадников. Некоторые едва держались в седле. Среди них был Иван Шереметев Меньшой, настолько бледный, что князь подумал, будто его привезли мертвым.

– Открыть ворота! – приказал он и стал стремительно спускаться вниз.

– Что случилось? Где войско? – спрашивал он въезжавших всадников, еще не осознавая, что поход окончился разгромом.

– Не ведаем, Иван Андреевич, – едва различимо отвечал ратник с рассеченным лицом. Сабля, видимо, прошла от левой брови наискось. Все, что было под уцелевшим правым глазом, походило на кровавое месиво, кожа свисала лоскутами, нос отрублен, губы рассечены и обнажают гнилые зубы.

– Нет больше войска нашего. Воеводы Палецкие на моих глазах погибли, – вторил ему ратник в залитых кровью доспехах, – ворота не закрывай, Иван Андреевич. Много нас идет сюда...

– Не закрывать ворота? – с гневом выкрикнул князь. – Почему бросили остальных? Почему не объявили сбор оставшихся ратников? Где знамена ваши?

– Не ругай их, князь, то моя вина, – едва слышно проговорил Иван Шереметев, – не смог воинов собрать, силы уж совсем оставляют меня. Древко пики в плече у меня обрубленное, рубаха вся в крови под бронею, уж по ногам течет...

Иван Андреевич, скрипнув зубами, махнул рукой и отвернулся...

Еще весь день приходили жалкие остатки полка – раненные, подавленные, привозили с собой истекающих кровью товарищей. Никто не говорил меж собой, все пытались молча пережить сие потрясение.

А Радзивилл еще долго искал Петра Шуйского, пока наконец воины не забрели в ту самую деревню, не увидели на пригорке обильно залитый кровью снег. Начали вызывать местных жителей, которые, испугавшись, показали, куда они бросили тело убитого москвитя. За телом прибыл сродный брат Радзивилла, воевода Николай Радзивилл Рыжий, известный своей суровостью и беспощадностью к врагам. Увидев труп Шуйского, велел тут же искать его губителя. Жители не собирались выдавать своего соседа, пока Радзивилл не пригрозил за такое беззаконие сжечь каждый третий дом в деревне. Вскоре убийца Петра Шуйского под вопли своей жены умирал вздернутым за шею на ближайшем дереве...

Оледенелый труп привезли в лагерь Радзивилла. Накрытый рогожей, он лежал в снегу. Вокруг собрались и прочие литовские воеводы. Кто-то из них закрывал свое лицо платком. Хмуро глядя на труп, Радзивилл велел раскрыть его. Ратник отдернул край рогожи, и все увидели вздувшееся, изуродованное лицо покойника. Ни у кого не было сомнений в том, что это Шуйский.

Поглядев на него, Радзивилл велел переодеть его в достойную одежду и отвезти в Вильно, где он должен быть похоронен с полагающимися почестями. С этими словами он удалился в шатер. Все прекрасно понимали, что до почестей для вражеского полководца ему нет никакого дела – он тешил свое самолюбие. Пусть горожане увидят поверженного противника таким, какой он есть сейчас – медленно разлагающийся, с расколотой головой и изуродованным лицом. К тому же наверняка Москва будет требовать его тело себе – лишняя возможность утереть москвитам нос!

Брезгливо морщась, Ходкевич велел убрать труп, после чего зашел в шатер Радзивилла. Канцлер был хмур.

– Поздравляю с победой, пан Радзивилл. Теперь мы сможем вернуть Полоцк, – улыбнувшись, проговорил торжественно гетман. Радзивилл молчал, даже не взглянув на него – он был мрачен.

Снаружи подул ветер, заколыхавший полы шатра. Начиналась метель...

* * *

При дворе весть о разгроме главного русского войска встретили со скорбным молчанием. Собрание Думы было тяжелым, бояре сидели, не смея и слова сказать. Государь покинул собрание, тяжело опираясь на посох, словно тащил на себе невидимую ношу.

Алексей Басманов и Афанасий Вяземский были подле него теперь всегда, следовали за ним всюду, словно тени.

– Не Господь отвернулся от тебя, великий государь! Изменники – их рук дело, – шептал Вяземский.

– Кто-то из воевод выдал пути войска, иначе засады бы не было! – вторил ему Басманов. Иоанн, не отвечая им, вошел в покои. Спальники и прочие слуги, пригнув головы, тихо исчезали. Подойдя к иконостасу, Иоанн разжал пальцы руки, держащей посох – жезл со звонким стуком упал на пол. Царь рухнул на колени и проговорил громко:

– Господь Всемогуший! Настави меня и помилуй! Ежели есть среди меня недруги, предавшие меня и крестное целование, покарай их гневом Своим! В Твоей власти они! Прости душу мою, пастыря их, ибо ведаю, буду на Страшном Суде и за их зло в ответе...

Переглянувшись, его советники бросились к нему и упали на колени рядом.

– Как же, государь? В твоей власти все подданные! Ты – помазанник Божий на престоле русском. Тебе судить их! Именем Господа нашего, да избави землю свою от них! Казни их без милости! Вырезай семьями, дабы семя зла не дало всходы!

– Готовы быть в войске твоём, избавляющим царство твое от боярской измены, ибо царство твое есть царство Бога! Им нет места здесь! – говорил Вяземский, кланяясь не иконам, а царю.

– Лишь Ванька Шереметев, брат двух изменников, остался в живых! Отлеживается в Великих Луках, раны зализывает! Вели, государь, ему в Москву прибыть, тут его спросим, почему из всех воевод лишь он уцелел! – молвил шепотом Басманов.

Иоанн начал подниматься с колен. Басманов и Вяземский тут же услужливо попытались подхватить его под руки, но Иоанн отмахнулся от них. Вяземский подал посох. Схватив его цепкой рукой, Иоанн перевел дух. Угрожающе двинулась нижняя челюсть, заходила борода. Он медленно обернул к Басманову свой страшный лик, отчего боярин невольно отступил назад.

– В Москву? А кто у меня с Литвой воевать будет? Кто? – выкрикнул с гневом Иоанн и тяжело задышал. Затем добавил уже спокойно: – Пусть лечится, но человека к нему приставьте, дабы следил. И за младшим их братом Федором тоже...

– Сделаем, великий государь! – склонил голову Басманов.

– Сделай, а потом с Федькой отправляйся в рязанские имения свои. Посол Афоня Нагой предупредил, что крымский хан в поход собирается. Мне в Рязани добрые воеводы нужны. Тебе за Рязань головой отвечать!

Басманов опешил, еще не поняв, является это знаком оказанной чести или же опалы. Но Иоанн отправил Басманова туда не из-за прежних его боевых заслуг, не из-за ратных умений, а для того, чтобы на время увезти от двора его сына Федю, ибо уже многие подозревают об их содомной связи. Видимо, что-то подозревает царица, к коей государь перестал заходить. Замечал – едва видит Мария Темрюковна издаലെка Федьку Басманова, тут же черные глаза ее загораются неистовым пламенем. Не зря она ненавидит его! Надобно обезопасить себя...

Басманов, уняв смятение, вновь покорно склонил голову:

– Исполним, великий государь!

Глава 7

На Масленицу вся Москва гуляла, несмотря на сильные морозы.

Город наводнила толпа. Крикливые торговцы развернули свои лавки, надеясь на высокую прибыль. Румяные бабы в цветастых платках расхаживали с целыми связками баранок на шеях. Нищие сидели под стенами храмов и соборов, молясь и кланяясь до земли, выпрашивая милостыню. Юродивые, полуголые, в грязных лохмотьях, ходили рядом, что-то бормоча себе под нос.

Город наводнила толпа. Между лавками расхаживали иностранцы и дородные горожане. Поодаль у Москвы-реки только что окончился кулачный бой – снег был разворошен, местами в кровавых каплях.

Сквозь плотную толпу гуляющих горожан проезжал небольшой конный отряд с криками «дорогу!». Это ехал со своими слугами князь Михаил Репнин. Многие узнавали его, почтительно уступали дорогу, кто-то приветствовал его, но князь был хмур и не отвечал на приветствия.

Он приехал в Москву по приглашению самого государя. Связано ли это с тем, что князю подбросили письмо от гетмана Ходкевича? На письмо князь не ответил, хотя происходящим в стране был очень недоволен. И теперь он направлялся в царский дворец, преодолевая великое нежелание. В беспокойное время прибыл князь в столицу – на днях казнен был князь Дмитрий Оболенский за «великую измену», земли его отобраны в казну. Михаил Петрович был раздосадован гибелью родича.

Никому еще не пришло в голову, что Иоанн начал задуманное и взялся за искоренение разросшегося рода Оболенских, к коему князь Репнин тоже принадлежал...

На дороге князя показались скоморохи в ярких и нелепых костюмах, в шутильных масках. Они вели на веревке огромного бурого медведя, наигрывая в бубны и сопелки. Приближались, приплясывая и кувыркаясь, звук их веселой музыки был все громче. Высокий мужской голос напевал:

Идет любчик мой горой, несет гусли под полой,
Сам во гусельки играет, проговаривает:
«Ах, девки, к нам! Детишки, к нам!»

Медведь сел на землю, два скомороха прыгали вокруг него. Толпа начала обступать их, кто-то уже сажал удивленных и смеющихся детей на плечи, кто-то, расталкивая всех, стремился вперед. Где-то уже слышна была ругань.

– Куды лезешь? А ну, полезай назад!

– Ща тресну тебе по сопатке, сам назад откатишься!

Тем временем музыка смолкла, скоморохи отошли в разные стороны, а тот, что напевал песни, подошел к медведю. Священнослужители, которые появлялись рядом, бежали от этого места, осеняя себя крестом. Репнин ругался, стиснув зубы – никак не проехать во дворец, придется через толпу.

– Ну что, Михайло, – окликнул медведя скоморох, – покажи нам, как танцевать нужно под сопели, дабы люд московский веселить!

Заиграли дудки, медведь, кивая головой, встал на задние лапы, присел на одну, другой начал притоптывать, затем принялся поочередно поднимать то одну заднюю лапу, то другую. Оглушительный хохот слышался отовсюду.

– Чего встали? Поехали дальше! – раздраженно скомандовал ратникам Репнин, но те не сразу тронулись с места – знали, что скоморохи нечистые, и счаровать могут, и проклятие

нанести одним лишь взглядом. Репнин тронул коня, но скакун, сделав несколько шагов, заржал испуганно, попятился назад, чуя хищного зверя, да и сам медведь вдруг встал на четыре лапы, зарычал, запыхтел.

– А ну, убирай отсюда зверя своего! – крикнул Репнин поводырю. – Не видишь, конь шарахается?

Скоморохи, дабы не растерять смущенную толпу, продолжали играть, уступая князю дорогу. Один оказался совсем близко к стремени князя, и Михаил Петрович, презиравший скоморошьи чертовые пляски, не упустил возможности ткнуть его сапогом в лицо. Скоморох с детским визгом покатился в снег, затем сел и сделал кувырок вперед. Он схватил горсть снега, на котором отпечатался след княжеского коня, прошептал что-то над ладонью и отбросил снежный комочек. В толпе некоторые заметили это и зашептали тревожно:

– Никак проклял князя!

Репнин, не обернувшись, продолжил путь во дворец...

Существует устойчивая легенда, что князь Репнин был приглашен на пир Иоанна, где поразился всеобщей разнузданностью и безумием застолий, где и погубил себя, храбро презрев сие и назвав государя «скоморохом». Думается, в этой легенде, где государь отплясывает в скоморошьяй маске и убивает Репнина за то, что тот отказался танцевать с ним, слишком много преувеличений. Но конфликт, видимо, действительно был...

В светлой палате стояли накрытые столы, уставленные всевозможной серебряной и золотой посудой с разнообразными блюдами, ковшами, кружками и кубками в каменьях. На золотых блюдах столтники разносили жареных лебедей. Домрачеи веселили гостей музыкой.

Здесь была вся знать, за исключением тех, кто стоял по городам или был в опале. Захарьины сидели по левую руку от государя, Вяземский и татарская знать, сверкающая богатейшими одеждами, – по правую. Репнин заметил Александра Сафагиреевича, урожденного Утямыш-Гирея, сына покойной Сююмбике и казанского хана Сафы-Гирея. Юноша в младенчестве был казанским ханом, теперь же это знатный вельможа при дворе московского царя. Репнин помнил его еще испуганным черноглазым мальчишкой, только что прибывшим в Москву из Казани. Теперь же это был располневший, холеный юноша с редкими черными волосами на щеках. Он, разговаривая с Вяземским, что-то жевал умасленным ртом и смеялся, шуря свои узкие степные глаза. Присмотревшись, Репнин заметил нездоровый цвет его лица, темные мешки под глазами, и невольно подумал – да царевич губит себя с малых лет чревоугодием и вином! Князь оказался прав – через два года в возрасте двадцати лет Александр умрет и, как знатный человек с царской кровью, будет похоронен в Архангельском соборе рядом с могилами великих князей московских...

Были среди гостей и братья покойной Сююмбике – Иль-мурза и Ибрагим-мурза. Сыновья Юсуфа, заклятого врага Иоанна и великого князя Василия, теперь были в почете при дворе, служили русскому царю и владели городом Романовом и окрестными землями. В далеком 1555 году Юсуф был убит собственным братом, который, захватив в Ногайской орде власть, отправил племянников Иля и Ибрагима русскому царю в качестве пленников, дабы доказать ему свою верность. Иоанн с почетом встретил мальчиков, и с тех пор они верно служат ему. Потомки Иль-мурзы положат начало одному из богатейших родов императорской России – роду Юсуповых...

Татарская знать, считавшаяся родовитее любого боярина Рюриковича или Гедиминовича, заплонила царский двор. Бесчисленные царевичи, потомки сбежавших на службу к московским государям вельмож, не заседали в Думе, но водили полки, имели свои надельные и собственное татарское войско. И двор полон не только знатью – на кухнях служили даже татарские повара, в обязанности которых в основном входила обжарка мяса...

Молодой чашник, держа серебряный кубок обеими руками, оказался перед Михаилом Петровичем.

– Государь жалует тебе чашу со своего стола, поминая храбрость твою под Полоцком!

Многие из гостей покосились в его сторону. Пристально, откинувшись в высоком кресле, глядел на него Иоанн, облаченный в узкий черный кафтан с золотыми пуговицами. Поднявшись, Репнин поклонился государю, медленно осушил кубок и, утирая седеющие усы, мягко опустился на скамью.

Двери распахнулись, и в палату с шумом и грохотом бубна вошли скоморохи с медведем – те самые, коих князь встретил по дороге во дворец. Тут же священнослужители, присутствовавшие на пиру, поднялись со своих мест и, откланявшись государю, тихо ушли. Набожный Иоанн, любивший скоморошьи забавы, понимал, что церковь порицает это, и позволял священнослужителям покидать застолье, когда приходили скоморохи. Репнин, увидев их, заметно насторожился, решив поначалу, что ему это чудится. Для многих же нахождение медведя в дворцовой палате, полной людей, было странным. Татарская знать заметно оживилась, увидев дикого зверя.

А высокий мужской голос запел весело:

Ах, у нашего сударя света батюшки, У доброго живота, всё кругом ворота! Ой, окошечки в избушке косячатые, Ах, матицы в избушке таволжаные, Ах, крюки да пробой по булату золочены! Благослови, сударь хозяин, благослови, господин, Поскакати, поплясати, про все города сказать, Про все было уезды, про все низовые, Про все низовые, остродемидовые! Хороша наша деревня, про нее слава худа! Называют нас ворами и разбойниками.

Некоторые из бояр, услышав эту песню, стали переглядываться меж собой смущенно. Иоанн с удовольствием улавливал эти стыдные взгляды «воров и разбойников» и с прищуром усмехался краем губ.

Музыка и песни смолкли, и мужичок, что напевал песню, вышел вперед, поклонившись. Медведь недовольно ворчал, опустив огромную голову.

– Здравия тебе, великий государь! Пришли по зову твоему тебе на потеху! Дозволь, государь, медведь станцует для тебя!

Иоанн махнул рукой, и вновь заиграла веселая музыка. Вяземский о чем-то шепнул ему на ухо, и он кивнул. Домрачеи начали подыгрывать скоморохам, гости немного привыкли к дикому зверю. Медведь, встав на задние лапы, начал поочередно их поднимать – как до этого танцевал в городе. Гости взорвались криками и хохотом, кто-то начал также пританцовывать на своих местах, кто-то хлопал руками в такт. Но не все присутствующие были довольны происходящим. Это, как правило, были старые бояре, такие как Александр Горбатый-Шуйский. Он сидел на своем месте, с презрением оглядывая происходящее вокруг. Недоволен был и Михаил Репнин.

Афанасий Вяземский вдруг начал вызывать гостей из-за стола, притопывая каблуками щегольских червлёных сапог. Медведя увели, теперь лишь повсюду кувыркались и прыгали скоморохи. И вот тот самый, коего толкнул в городе князь Репнин, оказался перед своим обидчиком. Князь пристально уставился на него, пытаясь разглядеть истинные черты лица его, скрытые под толстым слоем белил и краски.

– Пошел прочь, нечисть! – Репнин угрожающе подался вперед, взявшись за висевший у пояса кинжал.

– Что же и ты не танцуешь, Михаил Петрович? – услышал он вопрос вставшего рядом Афанасия Вяземского. От него сильно несло вином.

– Я сюда не скоморошничать пришел!

– А зачем же ты пришел? – лукаво усмехнулся Вяземский. Репнин тяжело уставился на него. Высокий, худой, с редкой черной бородкой, с крупной родинкой на щеке. Откуда же вылез ты, окаянный? Как подле государя оказался?

– Сам государь велит тебе танцевать! – не дождавшись ответа, говорил Вяземский, отступив в сторону и открывая Репнину вид на сидящего в кресле Иоанна. Оказалось, царь не сводил холодного взгляда с князя. Репнин, скрипнув зубами, сжал кулаки.

– Надевай! – велел Вяземский, положив перед ним скоморошью кожаную маску, на коей вырезаны были глаза и широкая улыбка. Маска была страшной, словно с улыбающегося лица сорвали нос, зубы, вытянули язык и глаза. Репнин с гневом сбросил маску со стола и поднялся.

Казалось, музыка смолкла мгновенно, и всеобщее внимание обратилось на князя. Репнин переводил взгляд с одного лица на другое, не замечая в них ни глаз, ни ртов, как на той самой маске, что валялась на каменном полу.

– Дерзишь противиться воле великого государя нашего? – проговорил Вяземский с угрозой. Репнин чувствовал, как внутри быстро, на износ, билось сердце. И вдруг вспомнил казненного родича своего Дмитрия Оболенского, его обездоленную вдову, и слова, полные злости, сами полились из него:

– Воле государя я никогда не противился! И кровь за него свою не раз проливал, и против татар, и против ливонцев! Но скоморохом на потеху ему не стану! Что праздновать ныне? Войско наше разбито в Ливонии! Татары собираются в поход на Рязань! А вы празднуете! Глядите, скоро праздновать будет негде, когда Москву враги наши бесчисленные уничтожат!

Он уловил лица татарских царевичей – одни в изумлении глядели на него, у других от гнева загорелись их черные глаза. Перевел взгляд на ненавистных всей знати Захарьиных и их родичей, что ныне состоят в опекунском совете – Телятевских, Яковлевых, Сицких. Взглянул на опустившего очи Челяднина и на изумленного Горбатого-Шуйского. Готовые разорвать друг друга в придворной борьбе, они молчали сейчас, глядя на престарелого воеводу, дерзнувшего бросить вызов самому государю.

– Отчего же ты думаешь, что мы против врагов своих бессильны? – раздался вдруг громкий и сильный голос государя.

– Вижу, государь, – отвечивал Репнин, но уже чувствуя, как силы покидают его, – пока невинных казнить будешь, не одолеем мы никого!

– Кто же невиновен был, Мишка? – улыбаясь, вопрошал Иоанн.

– Родич мой, Дмитрий Оболенский, казненный тобой накануне!

За столами послышался недовольный ропот и шелест тихих голосов.

– Верую, до конца он был верен тебе, но был, видать, оклеветан, впрочем, как и многие! – Репнин покосился на Вяземского и на Захарьиных.

– Многие! – усмехнулся Иоанн. – Что ты знаешь о верности, князь? Нет ли в доме твоём грамоты от литовских панов или польского короля?

Репнин замер и, чтобы не упасть от накатившей внезапно слабости, уперся руками о стол, свалив чарки и пустой кубок. Откуда государь знает, кто доложил? Но не ведал он, что грамоту ту подбросили ему люди государя, чтобы был весомый повод объявить его изменником. Репнин поднял глаза и вздрогнул. На каменном лице Иоанна было то самое хищное выражение лица, коего боялись, перед коим трепетали.

– Той грамоты нет у меня! – хрипло ответил Репнин, вспомнив, что сжег ее едва ли не сразу, как она появилась у него.

– Лжешь, пёс! – Иоанн вскочил с места.

– Обыщи дом мой, ежели веры нет! Ты позвал меня на свой пир, дабы воздать мне за ратные заслуги мои под Полоцком, но получил я лишь унижение!

Репнин медленно выходил из-за стола, прихрамывая – сказывалась старая рана, полученная в стычке с войском Кетлера в Ливонии, где князь был ранен в ногу арбалетным болтом.

– Я мог бы убить тебя прямо сейчас за дерзость твою, нечестивый раб! – вскричал Иоанн с нахлынувшим вдруг на него гневом. Грудь его высоко и часто вздымалась, на губах выступила пена.

– Я не раб тебе, но слуга! Прощай, великий государь! – с честью сказав последние слова, ответил Репнин и, откланявшись, начал покидать палату. Всеобщее внимание теперь было приковано к государю, явно оскорбленному действиями князя. Вяземский, дабы прервать гнетущую тишину, велел оторопевшим домрачам играть, скоморохов выслал вон. Музыка полилась, но никто не слушал ее. Угощений было много, но никто их не ел, все смущенно прятали глаза друг от друга и боялись взглянуть туда, где стояло государево кресло. Иоанн сидел в нем, тяжело и часто дыша, стиснув пальцами подлокотники.

– Я вас всех истреблю! Всех изведу! – рычал он сквозь зубы.

Участь Репнина была решена, пусть он и не расставался со своей вооруженной стражей дено и ночно. Все чаще он был в церквях и храмах, видимо, укрываясь от царского гнева, коего он с мукой ожидал. И однажды он решился на побег в Литву. За день верные слуги все подготовили к тому, и князь пошел помолиться в старой церквушке на окраине Москвы.

Всецело отдавшись молитве, он не сразу услышал шаги за спиной, лишь почувствовал, как холодное, обжигая, входит в его спину и достает до сердца. Другой удар пришелся в шею.

Когда слуги Репнина, ожидавшие его у порога церкви, услышали крики священнослужителей, то тут же вбежали внутрь и увидели князя лежащим на залитом кровью помосте алтаря. Тревожно забил церковный колокол, невольно собирая жителей окрестных деревень.

В это же время разгневанный Иоанн решил покончить с изменой Шереметевых...

Лязг замков и затворов разбудил спящего на гнилой соломе престарелого Ивана Шереметева Большого.

– Вставай, Ванька, поднимайся, стервец, – услышал он и узнал голос государя. Кряхтя, узник сел. Он смердел от грязи, отросшие длинные волосы спадали на лицо, в разные стороны топорщилась спутанная седая борода. Звякнула цепь, приковывающая его руки и ноги к стене.

– Здравствуй, великий государь, – едва слышно проговорил он и закашлял. Казалось, он заточен здесь уже целую вечность и невольно считал дни до своей скорой, как он думал, кончины.

– Среди многих бояр ты слыл богачом. Где все твои богатства? – насмешливо спрашивал Иоанн. Узник все еще не мог разглядеть царя сквозь туман, заставший его взор.

– Я руками нищих передал их к моему Христу Спасителю, – прохрипел узник и потер опухшие глаза, дабы хоть немного начать видеть. Наконец очертания проявились. Лучина зажглась и слабо осветила лишь лицо Иоанна.

– Вспомнил о душе своей? Что же ты забыл о ней, когда ссорил меня с крымским ханом? Уж не по повелению ли Жигимонта творил сие? – Голос царя был низок и грозен. Шереметев молчал.

– Что же ты братьев своих не смог научить, что верность нужно сохранять отчизне и государю своему?

Шереметев с изумлением поднял свой взор на царя. Иоанн улыбался.

– Да, про Никитку говорю. Не кручинься, Ванька, он за грехи свои сам ответит. За свои ты страдался вволю. Помню заслуги твои!

Узник что-то промышчал, разомкнув сухие слипшиеся губы, и покосился на стоявшую у двери кадку с водой. Уж давно стояло оно там, но нарочно цепи оков были коротки настолько, что старик не мог дотянуться до воды. Иоанн, поймав его взгляд, обернулся и сделал несколько шагов к кадке. Зачерпнул оттуда ковшом и поднес его к лицу Шереметева. Кряхтя, потянулся узник к ковшу, обтекаемому столь желанной водой, но Иоанн отвел руку так, что узнику вновь было не дотянуться до ковша. Наклонившись над жалким, разбитым стариком, который и забыл об упомянутом брате – лишь тянулся к этому вожделенному ковшу, Иоанн произнес:

– Долго ли мне еще вас, кичившихся родовитостью своей, от измены отучать? Словно черви, поганите вы Русь изнутри. Из-за вас она, за сохранность кою я в ответе пред Богом и пращурами своими, слаба! А вам, безродным, чего кичиться? Захарьины, Шереметевы, Адашевы... Власть всех портит! Я исправлю сие...

А узник, словно и не слушая его, продолжал со стоном тянуть истерзанную руку к ковшу. Иоанн, насытившись его мучениями, поднес ковш к его губам и сам стал поить. Захлебываясь, Шереметев глотал холодную, настоявшуюся воду, она текла по его бороде и грязным лохмотьям, в кои он был одет. Иоанн пристально следил за этим, от омерзения стиснув зубы.

– Я пастырь ваш, все вам прощаю! И Бог вам простит, когда вы заслуженные муки испытаете при земной жизни. Спаситель за всех людей терновый венец надел. И шапка Мономаха моя истинно терновый венец, – говорил он полушепотом, затем отбросил опустевший ковш и, отойдя к дверям, добавил: – Прощаю тебя! Сегодня снимаю с тебя опалу и освобождаю от заключения. Запомни – больше вашему семейству я измены не прощу...

Тем временем часы жизни Никиты Шереметева были сочтены – государевы люди без особых усилий смогли задушить его, ослабленного заточением и голодом. Единственное, что он мог, ослабленный, – глядеть беспомощно в глаза своему убийце. Так он и застыл – с приоткрытым оскаленным ртом и выпученными остекленевшими глазами.

Иван Шереметев Большой едва ли не сразу после освобождения совершит постриг и уйдет в монастырь, где и окончит свою жизнь спустя много лет. Теперь блюсти честь семьи и служить государю обязаны были оставшиеся два младших брата бывшего боярина – Федор и Иван Меньшой...

Убийства Оболенского, Репнина и Шереметева, случившиеся подряд в столь малое время, взбудоражили знать и церковь. Горбатый-Шуйский, как самый старший из знатнейшего рода на Руси, как глава Боярской думы, и здесь решил все взять в свои руки – начал собирать бояр в своем доме, где, расхаживая перед гостями, разодетыми в пестрящие богатые одежды, молвил:

– Доколе кровь наша будет литься? Служим государю мы исправно, верно, живота своего не жалея! Не заслужили мы, князья Рюриковичи, такой участи! А ежели он думает, что сможет нас казнить аки рабов своих, то и здесь надобно напомнить ему то, что сказал недавно князь Репнин: мы не рабы ему, а слуги!

– Пока что, – сказал кто-то из бояр, некоторые поддержали его смехом.

– Репнин за это головой поплатился! – выкрикнул сидевший в углу князь Микулинский.

– Всех не перережет! – отмахнулся стоявший у стены Петр Щенятев, стареющий знатный вояка. Зашумели бояре. Горбатый-Шуйский поднятием руки успокоил всех и проговорил громко:

– На том и решили – государя надобно осадить! Для пущей важности привлечем на свою сторону митрополита, ибо церковь ропщет из-за убийства князя Репнина в храме!

К тому времени бывший царский духовник Андрей уже был избран митрополитом. Данила Захарьин торжествовал – теперь в его руках находится и церковь. Знать же была уверена, что митрополит будет их вечным заступником.

И вот некоторые из бояр, что были дома у князя Горбатого, пришли к митрополиту Афанасию и упали пред ним на колени, моля о заступничестве. Привыкшие к величавости покойного Макария, глядят они на него с усмешкой – низкий, полноватый, со скудной седеющей бородкой. Он же глядит на них со смятением и страхом.

– Великий государь есть господин наш, нам ли идти против воли его? – вопрошал он слабым голосом. Бояре, с презрением глядя на него, медленно поднялись с колен. Князь Горбатый, будучи выше митрополита на целую голову, взирая на него с высоты своего роста, проговорил приглушенно:

– Предшественник твой всегда осуждал кровопролитие и заступался за невинных до конца дней своих. Здесь преступников нет. Врагов твоих тоже... Пока что...

Афанасий был начисто сломлен старым боярином и, опустив глаза, согласился заступиться за них.

На следующий день было назначено заседание Думы. Бледный, осунувшийся митрополит сидел впереди знатных бояр, опустив глаза. Иоанн, величественный и грозный, в богатых одеждах восседал на троне, глядел на вышедшего в середину палаты Горбатого-Шуйского. Боярин от имени всех бояр и духовенства высказывал царю, что убийства подданных без суда необходимо прекратить, что прашуры бояр клялись служить московским государям, и они, потомки их, хотят того же, но только ежели все будет по справедливости.

– На совместном нашем правлении испокон веков держится Русь, так должно быть поныне! – заканчивал свою речь Горбатый-Шуйский, крепкий, с отороченной соболем ферязью на плечах. Иоанн понял, кто главная сила среди знати, и так же понял, что князь Горбатый должен быть уничтожен. Снова Шуйские! Снова они! Проклятый род!

Тихо в просторных палатах. Бояре затаили дыхание, сидят, глядят на неподвижного Иоанна. Подождав с минуту, царь ответил медленно и спокойно:

– Будь по-вашему! Но ежели вновь начнутся измены, а вы станете друг друга прикрывать, деньгами жизни свои вымаливать... Тогда не быть мне царем вам!

С этими словами он поднялся с трона и начал покидать палату. Рынды с золотыми топорами проследовали за ним. Едва успели бояре встать со своих мест и поклониться ему.

– Спаси нас, Боже, от гнева царского, – прошептал митрополит и украдкой перекрестился.

Пытаясь умирить свой гнев, Иоанн велел сказать царице, что ночью зайдет к ней. Она встретила его полуобнаженной, в черных глазах ее искрило желание.

– Скучала, мой государь... Ложись...

Но Иоанн, стиснув зубы, взял ее грубо, так и не дойдя до ложа. Схватив царицу за пышные угольные волосы, Иоанн овладел ею, развернув ее спиной к себе и бросив на огромный персидский ковер. Улавливая ее запах, трогая кожу, он вдруг почувствовал мгновенное отвращение, до тошноты. Вскрикнув с гневом, он отбросил ее в сторону и, поднявшись, стрелой вылетел из ее покоев.

– Мой государь! – услышал он жалобное за спиной, но вскоре захлопнул за собой двери. Придя в свои покои, он рухнул на колени перед киотом и стал распевать псалмы, кланяясь до пола. После очередного поклона он так и остался лежать лицом на холодном полу. Гнев клокотал в груди по-прежнему, хотелось крови, хотелось слышать мольбы о пощаде. Сейчас больше всего он хотел их гибели. Истребить, всех!

– Найду я на вас управу, найду! Уничтожу! – прорычал он, брызжа слюной. Он так тяжело и часто дышал, что спальники, спрятавшись за дверями, с испугом подумали, что государь умирает. Но вскоре он замолк и поднялся. Лицо его будто сразу обрюзгло, на лбу обильно выступили крупные капли пота, глаза, окруженные черными тенями, были пусты, из приоткрытого рта, обнажившего нижний ряд зубов, слышалось редкое сиплое дыхание. Шаркая ногами, он с трудом дошел до своего ложа и, рухнув в него, забылся мертвецким сном.

Спальники, дрожа от страха, в темноте стягивали с него мягкие домашние сапоги...

Глава 8

Юрьев

Прохладная апрельская ночь была тиха. Из темного угла с иконами доносился шепот – это горячо молился князь Курбский. За его спиной скрипнула дверь.

– Лошадь готова, торба с припасами у седла, – тихо доложил верный Васька Шибанов, – веревку я уж перебросил через стену. Пока темень, княже, поторопись!

Курбский полуобернулся к нему и кивнул. Сегодня была знаковая ночь – побег, к которому он готовился так долго, состоится! Не мог он сбежать до тех пор, пока не уверился, что не станет беднее в новом доме своем. Польский король обещал обширные земли в Литве – староство кревское с селами, Ковель, Вижва, Миляновичи с прилегающими тридцатью селами. Не зря князь просил так много! Недавно стараниями его литовцы одержали победу над князем Шуйским под Чашниками. И Курбский не жалел об этом.

Испытывая неприязнь к Иоанну, узнавая о недавних убийствах в Москве, князь все больше верил в свою правоту. Тирана надобно остановить! И уж тем более нельзя позволить ему выйти к Балтийскому морю, владеть Ливонией и литовскими землями.

Одно настораживало князя – беременная жена и сын, находящиеся в ярославской земле. Выдержит ли супруга столь тяжелый путь? Ох, спаси, Господи! Васька должен успеть увезти их!

Молитву князя прервал сильный кашель. Вдохнув, услышал, как пискнуло в груди. Он снова болел, сраженный ежедневными переживаниями. Эх, тяжело в дороге больному будет!

Курбский перекрестился и беглым взглядом осмотрел горницу. Там, за печкой, по-прежнему спрятаны его тайные бумаги. На стене висит его великолепная броня. К черту! Князь бросился к печке, вынул все спрятанные бумаги и бросил их в огонь без сожаления. Вспыхнувшая бумага ярко озарила полутемную горницу. Перед тем как выйти прочь, князь задержался взглядом на доспехах своих, отражавших в темноте кровавые отблески пламени.

Глубокой ночью на улицах ни души. Пламенники освещают город в редких местах, и Курбский знал, как лучше и безопаснее пробраться к стене. А еще он знал, что в последнее время стража плохо стоит в карауле – ходи куда хочешь, главное, выбрать нужное время и место. Заведомо решив бежать, воевода Юрьева не пресек это, а значит, ничего не сделал для безопасности города.

Толстая веревка свисала по крепостной стене, едва не доставая до земли. Оглянувшись опасливо, Курбский поплевал на ладони, схватился за веревку и, упершись ногами в стену, полез наверх. Взобравшись на стену, князь глянул вперед. Поодаль, у чернеющего в темноте соснового леса, стояли две лошади, а возле них верный Васька. Нужно было торопиться! Сложнее и страшнее было слезать с обратной стороны, несколько раз срывалась нога, скользила по камню. Пока лез, изодрал в кровь ладони, спрыгивая, едва не вывернул ногу. Чертыхаясь, хромающий князь направлялся к лошадям. Васька уже был в седле. Взобравшись на коня, князь воровато оглянулся и сказал Ваське:

– Скачи через Псков, в Псково-Печерской обители встреться с Вассианом Муромцевым, что при игумене Корнилии служит, передай ему это...

И протянул ему небольшой сверток. Васька кивнул. Курбский поглядел на него и добавил:

– Дай знать, что везешь жену и сына ко мне, сделаю все, дабы направить вас на безопасный путь и встретить. А теперь скачи, ну!

Васька тронул коня, проехав немного, затем развернулся и с грустью взглянул на своего господина, словно силясь что-то сказать. Курбский почувал, как перехватило дыхание, и тут же навернулись слезы.

– Ну же, вперед! – раздраженно прикрикнул он, ударив ладонью по шее своего коня. Васька рванул с места, подняв пыль. Курбский стоял еще какое-то время, глядел ему вслед, затем, когда Васька скрылся в темноте, тронул коня. Было тихо, и в тишине этой спал город Юрьев за каменным поясом стен. Взглянув через плечо напоследок на город, Курбский перекрестился и пустил коня рысью.

Игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий сидел за столом, густо залитым свечным воском. Несколько огарков освещали рабочее место игумена. Костлявые пальцы еще крепко держат перо, но силы на исходе. Оправив длинную седую бороду, Корнилий потер уставшие глаза и снова принялся за работу.

Более тридцати лет он стоит во главе обители. Сколько было содеяно! И летописные своды писались им и благодаря ему, и иконы, и колокола лили, и создали богатейшую библиотеку. При нем на территории монастыря возникли новые церкви, при нем обитель опоясалась мощной крепостной стеной. Царь любил Корнилия и заботился о его обители, вкладывая в нее огромные деньги. Но Корнилий старался в последние годы не бывать в Москве и не говорить с государем даже через послания – сказала кровавая расправа над Адашевыми и их сторонниками. Порой Корнилий корил себя за то, что ничего не сделал для их спасения, но затем успокаивал себя тем, что даже митрополит Макарий ничего не смог сделать. Вновь подумав об этом, игумен отложил перо, поднялся и тяжело зашагал к киоту. Там прочитал молитву и перекрестился, прося прощения у Бога и у Адашевых.

– Нет, виновен я в бездействии. Грех себя утешать бессилием. То гордыня моя, прости меня, Господи! – шептал он. Затем замолчал, глядя на видневшиеся в темноте образа. Сгорбленный седобородый старик глядел на них с мольбой и жалостью и не сразу ощутил, как по морщинистой худой щеке скатилась слеза. Поднявшись, горбясь и склонив голову, словно под невидимой ношей, зашагал к своему столу, утерев мокрую щеку.

За спиной глухо скрипнула дверь – это вошел Вассиан Муромцев, верный секретарь игумена уже долгие годы.

– Владыка, здесь слуга князя Курбского Василий Шибанов... Раненый...

Корнилий обернулся к нему и посмотрел бесстрастно в ожидании объяснений. Вассиан прикрыл дверь кельи и, подойдя к игумену, наклонился над его ухом.

– Князь Курбский отправил Васюку ко мне с посланием, в котором рассказал, что не может более служить тирану и, опасаясь опалы его, сбежал в Литву. Просил тебя, владыка, помолиться за него.

Корнилий слушал и все больше хмурился.

– Отчего он раненый? Где он?

Вассиан снова бросился к двери, выглянул в нее, позвал кого-то и открыл настежь. На пороге с окровавленной рукой показался белый как молоко Васька Шибанов.

– Дозволь ему в моей келье переночевать, от раны оправиться, – просил шепотом Вассиан.

– Я утром уйду, – пошатнувшись, с усилием проговорил Шибанов. Корнилий переводил взгляд то на него, то на своего секретаря.

– Пусть остается, – твердо ответил игумен, – вели накормить его. Приду помолюсь над раной, завтра начнет заживать.

Шибанов и Вассиан с благодарностью поклонились Корнилию.

– Ступай, сыне, ступай, – сказал он ласково Шибанову и, отвернувшись от них, снова принялся за свои труды.

Вот и Курбский сбежал, храбрый, достойный муж. Корнилий должен был осудить его за отступничество от веры и отечества, но... не мог. И последние кровавые вести из Москвы все больше способствовали этому.

Ваську накормили, промыли и вновь перевязали рану, уложили спать в теплой келье.

– Кто ж тебя так? – убирая деревянную кадку с окровавленным тряпьем, спросил Вассиан.

– На лихих людей нарвался, смог убежать, вот только стрелой задела в руку, – отвечал со слабой улыбкой Васька и махнул здоровой рукой, – дело молодое, до свадьбы заживет!

И когда Вассиан потушил свечи и лег спать, он еще долго видел в темноте этих лихих людей в лесу. По разбойничьему свисту, по говору понял, кто, и бросился наутек. Попасться было никак нельзя, ибо нужно было доставить послание Вассиану и добраться до жены и сына князя, дабы спасти их. Несся так, что едва не загнал коня и даже не сразу заметил, как чиркнула по предплечью стрела – слышал лишь свист других, летящих мимо.

Утром он ощутил слабый прилив сил, хоть еще голова шла кругом. Вассиан предложил ему отлежаться еще день, но Шибанов отказался, начал собираться в путь. Игумена он больше не увидел.

– Передай от меня владыке мою благодарность и поклон, – сказал Шибанов Вассиану, затягивая кушак.

– Передам, – отвечал с улыбкой Вассиан, передавая гостю небольшую торбу с куском хлеба и кувшином творога. Шибанов, принимая ее, трижды перекрестился.

Вассиан провел его до самых ворот и перекрестил. Шибанов, вскочив на отдохнувшего коня, взглянул напоследок на главную псковскую обитель и пустился в путь. За спиной он еще долго слышал радостный и богатый разнообразием звуков колокольный перезвон...

Он был схвачен вечером того же дня на одной из застав – о бегстве Курбского стало известно очень быстро. Тут понял – ни убежать, ни отбиться от ратников не удастся, поэтому сдался им без борьбы, кляня себя за то, что не смог выполнить приказ господина. Все одно он бы не успел этого сделать – семью Курбского схватили в то время, когда Шибанов раненый лежал в монастыре. Беременную супругу и малолетнего сына сам Иоанн распорядился бросить в холодную и сырую темницу. Богатства князя и его земли тут же были отобраны в казну.

Существует красочный, описанный многими авторами эпизод, как Шибанов сам привез царю послание Курбского, и тот, пробив ногу Васьки жалом своего посоха, слушал чтение этого послания, не обращая внимания на мучения несчастного слуги. Все это, конечно, красивая легенда, не более – Иоанн бы ни за что не тратил своего времени на какого-то холопа, да и сам Курбский не отправил бы Ваську на верную смерть, ведь он наверняка надеялся спасти свою семью.

Ваську в застенке пытали страшно, следил за этим Афанасий Вяземский. Он же докладывал обо всем государю:

– Не сказал ни слова, великий государь...

– Значит, пусть там и сдохнет, – заявил Иоанн. Васька не сказал под пытками ничего о своем господине и умер с чистой совестью. Об этом везде стало известно очень быстро, и вскоре Вяземскому пришло тайное послание от монахов Псково-Печерского монастыря, прикормленных рукой Алексея Басманова, в котором они докладывали, что сей преступник после бегства своего господина ночевал в монастыре в келье Вассиана Муромцева, секретаря игумена Корнилия, который сам это дозволил. Вяземский поспешил доложить государю и об этом. Иоанн был глубоко задет этой вестью, навсегда уничтожившей его взаимоотношения с Корнилием.

«Вот и церковь предает меня», – думал царь, отослав тут же всех прочь. Сжав кулаки, сумел унять вскипавшую ярость и гнев. Пока он не смел поднять руку на столь влиятельного священнослужителя. Нужно лишь время...

Вскоре Иоанну доставили послание Курбского. Сам Висковатый зачитывал ему написанное. Сидя в кресле, задумчиво глядя перед собой, Иоанн слушал:

– *«Царю, некогда светлomu, от Бога прославленному – ныне же, по грехам нашим, омраченному адскою злобою в сердце, прокаженному в совести, тирану беспримерному между самыми неверными владыками земли. Внимай! В смятении горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзал ты Сильных во Израиле, воздей знаменитых, данных тебе Вседержителем, и Святую, победоносную кровь их проливал во храмах Божиих? Разве они не пылали усердием к Царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты верных называешь изменниками, Христиан чародеями, свет тьмою и сладкое горьким! Чем прогневали тебя сии предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы Царства, где предки наши томились в тяжкой неволе? Не ими ли взяты твердыни Германские в честь твоего имени? И что же воздаешь нам, бедным? Гибель! Разве ты сам бессмертен? Разве нет Бога и правосудия Вышнего для Царя?.. Не описываю всего, претерпенного мною от твоей жестокости: еще душа моя в смятении; скажу единое: ты лишил меня святые Руси! Кровь моя, за тебя излиянная, вопиет к Богу. Он видит сердца. Я искал вины своей, и в делах и в тайных помышлениях; вопрошал совесть, внимал ответам ее и не ведаю греха моего пред тобою. Я водил полки твои и никогда не обращал хребта их к неприятелю: слава моя была твоею. Не год, не два служил тебе, но много лет, в трудах и в подвигах воинских, терпя нужду и болезни, не видя матери, не зная супруги, далеко от милого отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все известно...»²*

Иоанн слушал, глаза его глядели в одну точку, лишь иногда на губах возникала странная улыбка, затем внезапно пропадала.

– *«Мы расстались с тобою навеки: не увидишь лица моего до дни Суда Страшного. Но слезы невинных жертв готовят казнь мучителю. Бойся и мертвых: убитые тобою живы для Всевышнего: они у престола Его требуют мести! Не спасут тебя воинства; не сделают бессмертным ласкатели, Бояре недостойные, товарищи пиров и неги, губители души твоей, которые приносят тебе детей своих в жертву! – Сию грамоту, омоченную слезами моими, велю положить в гроб с собою и явлюся с нею на суд Божий. Аминь. Писано в граде Вольмаре, в области Короля Сигизмунда, Государя моего, от коего с Божьей помощью надеюсь милости и жду утешения в скорбях».*

– Сучий сын, – усмехнулся государь, когда письмо было кончено. Собравшись с мыслями, Иоанн велел писать Курбскому ответ:

– *«Во имя Бога всемогущего, Того, Кем живем и движемся, Кем Цари Царствуют и Сильные глаголют, смиренный Христианский ответ бывшему Российскому Боярину, нашему советнику и Воеводе, Князю Андрею Михайловичу Курбскому...*

Почто, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая брренное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего же не хотел умереть от меня, строптивого Владыки, и наследовать венец Мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень: блажен, кто смертию приобретает душевное спасение! Устыдись раба своего, Шибанова:

² Письма Ивана Грозного и А. Курбского здесь и далее представлены в сокращении.

он сохранил благочестие пред Царем и народом; дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты, от единого моего гневного слова, тяготишь себя клятвою изменников; не только себя, но и души предков твоих: ибо они клялись великому моему деду служить нам верно со всем их потомством.

Я читал и разумел твое писание. Яд аспиды в устах изменника; слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы ко врагу нашему, если бы мы не излишне миловали вас, недостойных! Я иногда наказывал тебя за вины, но всегда легко и с любовью; а жаловал примерно. Ты в юных летах был Воеводою и советником Царским; имел все почести и богатство...

Хвалишься пролитием крови своей в битвах: но ты единственно платил долг отечеству. И велика ли слава твоих подвигов?.. Говоришь о Царствах Батыевых, будто бы вами покоренных: разумеешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани): но чего нам стоило вести вас к победе? Сами идти не желая, вы безумными словами и в других охлаждали ревность к воинской славе. Когда буря истребила под Казанью суда наши с запасом, вы хотели бежать малодушно – и безвременно требовали решительной битвы, чтобы возвратиться в дома, победителями или побежденными, но только скорее. Когда Бог даровал нам город, что вы делали? Грабили! А Ливониею можете ли хвалиться? Ты жил праздно во Пскове, и мы семь раз писали к тебе, писали к Князю Петру Шуйскому: идите на Немцев. Вы с малым числом людей взяли тогда более пятидесяти городов; но своим ли умом и мужеством? Нет, только исполнением, хотя и ленивым, нашего распоряжения... Если бы не ваша строптивость, то Ливония давно бы вся принадлежала России. Вы побеждали невольно, действуя как рабы, единственно силою понуждения. Вы, говорите, проливали за нас кровь свою: мы же проливали пот и слезы от вашего неповиновения...

Что было отечество в ваше царствование и в наше малолетство? Пустынею от Востока до Запада; а мы, уняв вас, устроили села и грады там, где витали дикие звери...

Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим Сильных во Израиле; их кровию не обагрим церквей Божиих: сильные, добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников – и где же щадят их? Много опал, горестных для моего сердца; но еще более изменнических, везде и всем известных...

Хвала Всевышнему: Россия благоденствует; Бояре мои живут в любви и согласии: одни друзья, советники ваши, еще во тьме коварствуют...

Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти Божией? Вот ересь Манихейская! Вы думаете, что Господь Царствует только на небесах, Дьявол во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! везде Господня Держава, и в сей и в будущей жизни... Ты пишешь, что я не узрю здесь лица твоего Эфиопского: горе мне! Какое бедствие! Престол Всевышнего окружаешь ты убиенными мною: вот новая ересь! Никто, по слову Апостола, не может видеть Бога! Положи свою грамоту в могилу с собою: сим докажешь, что и последняя искра Христианства в тебе угасла: ибо Христианин умирает с любовью, с прощением, а не с злобою. К довершению измены называешь Ливонский город Вольмар областью Короля Сигизмунда и надеешься от него милости, оставив своего законного, Богом

данного тебе Властителя. Ты избрал себе Государя лучшего! Великий Король твой есть раб рабов: удивительно ли, что его хвалят рабы? Но умолкаю: Соломон не велит плодить речей с безумными: таков ты действительно...»

Так и началась переписка, продлившаяся вплоть до смерти Курбского в далеком пока от того дня 1583 году. Сколько еще впереди ядовитых слов, сколько мыслей о сущности государства и религии, сколько уличительных речей! Их письма, наполненные ненавистью друг к другу, станут литературным памятником столетия спустя.

Глава 9

В сентябре в Москву прибыли послы от германского императора и магистра Тевтонского ордена в Священной Римской империи. Иоанн верил в то, что переговоры будут касаться совместной борьбы против Польши, и магистр Вольфганг в письме много говорил о союзе с Москвой. Но прибывшие послы говорили лишь об одном – чтобы царь выпустил из плена бывшего магистра ордена в Ливонии, старика Фюрстенберга. С трудом сдерживая бешенство, Иоанн отвечал:

– Снова вижу, что с вами, немцами, договариваться ни о чем нельзя. Еще недавно ваш магистр писал мне, что хочет заполучить Пруссию и готов повести полки против Литвы. Теперь же вы пришли говорить со мной о другом, и не услышал я ни слова о нашем союзе. А магистру вашему передайте – ежели отнимет он у Сигизмунда Ригу и Венден, то отдам ему старца Фюрстенберга.

Переговоры зашли в тупик. Фюрстенбергу суждено было умереть через несколько лет в плену, а германцы так и не вступили в войну с Сигизмундом.

Сразу же после завершения переговоров с германцами Иоанн решил наконец ослабить клан Захарьиных. Он был властителем всего, что жило и стояло на русской земле, и больше всего ревновал саму власть. Все, кто возносился подле него, тут же начинали этой властью злоупотреблять – Шуйский, Воронцов, Сильвестр, Адашев. Не избежали этой участи Захарьины, и Иоанн не собирался им этого прощать. Данила Захарьин был у них главой семьи, его люди и друзья повсюду и сейчас, пожалуй, нет могущественнее человека во всем государстве. Иоанн понял это давно и решил, что сейчас настало время лишить Захарьиных столь сильного предводителя.

Он пришел тут же по зову государя, и Иоанн, любезно улыбаясь, сказал ему:

– Сейчас мне опытные воеводы нужны в борьбе с Литвой. Отправляйся в Вязьму в полк князя Бельского.

Данила Романович опешил от столь неожиданного приказа. Уже много лет он никуда не выезжал из Москвы, ибо принимал участие в управлении государством. А теперь на кого все оставить? На Василия? Не справится он! Никита в Кашире стоит с полками. Выходит, не остается никого! Враги Захарьиных тут же сделают все против них, раздавят! Нельзя ехать!

– Как же так, государь? – Данила Романович бухнулся на колени перед сидящим в кресле Иоанном и хотел было сказать, что не время ему сейчас покидать Москвы, недругов много у государя, наследников надобно воспитывать, и еще многие мысли роились в его голове, но увидел каменное лицо Иоанна, его тяжелый взгляд и осекся. Пришлось покориться. Последним ударом для Данилы Романовича было то, что Иоанн не позволил ему целовать свою руку, лишь сказал кратко:

– Ступай!

Данила Романович вышел из государственной палаты словно в воду опущенный. Как же быть, что делать? Это была настоящая опала. «Заигрался ты, заигрался», – думал он с досадой и клял себя, что перестал быть осторожным.

Пока боярин прощался с домочадцами, давал брату Василию и шурина Сицкому последние указания, при дворе стало известно, что к Полоцку подошло литовское войско во главе с паном Радзивиллом...

Литовский лагерь утопал в проливных дождях. Земля раскисла и превратилась в вязкую жижу, которая засасывала едва ли не по колено. Новые стены Полоцка слепо высились перед литовцами во тьме. Изредка били по стенам пушки, город так же отвечал выстрелами, но на приступ литовцы не решались. Вскоре стало известно, что воеводы Пронский и Серебряный

выступили из Великих Лук и медленно двигались в обход литовского лагеря, дабы ударить противнику в тыл, но проливные дожди задержали и их. Литовцы впали в уныние, спасали себя крепкой брагой, преодолевая этим тоску, страх смерти, холод, дождь и болезни.

Нешадно пил и пан Радзивилл – вместо того, чтобы руководить осадой и готовить войско к штурму. Казалось, он и сам понял, что город ему не взять.

Среди прочих командующих в его войске был Андрей Курбский. Говорят, в дарованных королем землях он тут же установил железный порядок, слуги боялись его, а соседи ненавидели – и уже в столь короткий срок пребывания в Литве. Мало того, что он отступник, так еще и просто гнилой человек. Радзивилл не верил ему, в глубине души презирал и не желал отправляться с ним в поход, но Курбский просил об этом самого короля – пришлось уступить. Молвят, на новых землях своих уже успел рассориться с соседями, слуги и холопы не любят его за гнусность и вспыльчивость. Да и в самом взгляде его, голосе и жестах есть что-то отталкивающее.

Едва Полоцк взяли в осаду, Курбский тут же начал призывать командование начать штурм в ближайшее время. Из-за недоверия к нему Радзивилл тянул, и это стало его ошибкой – вскоре начавшиеся сентябрьские проливные дожди ухудшили их положение. И старому гетману ничего не оставалось, кроме как сидеть в своем шатре у жаровни и пить вино.

– Позовите Курбского! – приказал он, когда уже изрядно выпил. – Призывал к штурму более всех, теперь поглядим, чего скажет!

Курбский вошел в его шатер, промокший насквозь. Слуги гетмана сняли с него истекающий водой лисий полушубок, изгвазданные грязью сапоги, переобули в легкие сапожки без каблучков. Лишь затем он предстал перед канцлером литовским.

– Садись к огню. – Радзивилл указал на пустовавшее напротив него кресло. Курбский сел в него, с наслаждением протянул озябшие сырые ноги к теплу. Радзивилл не мигая глядел на гостя, и Курбский по чуть косому взгляду и тупому блеску в глазах понял, в каком состоянии находится гетман. Ему стало мерзко.

– Теплого вина? – спросил Радзивилл.

– Лучше сразу к делу, – отрезал Курбский. Гетман чуть опешил, но, вовремя спохватившись, проговорил чуть заплетающимся языком:

– Что ж, тогда слушай. Ты опытный воевода и недавно призывал нас к штурму. Я хотел посоветоваться с тобой об этом.

– Полоцк имеет крепкие стены, царь снес при взятии города прежние и построил новые, еще более крепкие. Насколько знаю, в Полоцке воеводой сидит князь Петр Щенятев. Мы вместе командовали полком при взятии Казани. Нынче могу сказать одно – время упущено. Моральный дух войска слаб, много больных, а это значит, что штурм – верная смерть для всех нас.

Он замолчал, глядя на Радзивилла. Гетман задумчиво хмыкнул, отставил кубок и вновь впился глазами в князя Курбского.

– Еще недавно ты горячо призывал нас начать штурм, а теперь говоришь иначе! Из Великих Лук против нас идет ваше войско, хотят зайти нам в тыл. Стало быть, нужно либо брать город и ждать их уже за стенами, либо быть атакованными с двух сторон! И ты говоришь – штурмовать Полоцк нельзя?

– Время упущено! – твердо повторил Курбский. – Теперь князь Щенятев раздавит нас, словно блох. И, ежели в вас осталась хоть капля благоразумия, вы послушаете меня, ибо я знаю русских воевод, знаю, на что они способны, я осведомлен об обустройстве стен Полоцка, ведь я однажды уже брал его!

Радзивилл опустил голову и молчал, о чем-то крепко задумавшись. Затем послышалось его бормотание:

– Вчера пришло известие, что войско гетмана Сапеги было разбито наголову под Черниговом русскими войсками. С моря нас атакует Дания, с суши – Швеция. Нет, не застану я нашей победы, нет... Сколько смертей!

– Потому нам следует отступить, – перебил его Курбский, в голосе его чувствовалось раздражение, – велите завтра же войску отойти за Двину. Соберем силы и зимой вновь ударим!

Радзивилл еще поглядел на него с минуту, во взгляде его все еще читалось недоверие.

– Я подумаю над вашими словами. Ступайте, князь, – проговорил он, отвернувшись. Не прощаясь, Курбский поднялся, отдал слугам легкие домашние сапожки, вновь обул свои грязные сырые сапоги, промокший насквозь полушубок и вышел из шатра в темноту, где все еще лил дождь.

На следующий день войско отступило от Полоцка, открыв дорогу на литовскую крепость Озерище. Воеводы Пронский и Серебряный молниеносно подошли к ней и взяли в осаду, дожидаясь обоза и пушки. Курбский знал, что московитов нужно отбросить в ближайшее время, и тогда вновь возможна осада Полоцка. Он просил у Радзивилла войско, дабы обойти и ударить московитам в тыл, но Радзивилл вновь не поверил ему, и вновь упустил драгоценное время.

Спустя месяц крепость была взята русскими...

* * *

Когда из Великих Лук на помощь Полоцку выступил полк Пронского и Серебряного, из Вязьмы на их место срочно отправился полк Ивана Бельского. Среди прочих воевод под его командованием был и Данила Романович Захарьин.

Один из главных врагов знати теперь ощутил на себе их неприязнь. С его мнением не считались, в его сторону не глядели, не поднимали глаз, когда проходили мимо. И однажды Бельскому пришло послание от князя Горбатого: «Нынче главный волк в руках твоих. Пора покончить с этим». Сжигая послание в жаровне, Бельский осенил себя крестом, опасливо покосившись на иконы. Князь понимал, чего от него требовал один из самых могущественных бояр в государстве.

Подкупить двух человек из окружения Захарьина было проще простого, да так, что никто не узнал имя Бельского. Далее им вручили отраву, и князь ждал.

В Великих Луках Захарьин внезапно слег. После обильной рвоты и сильной лихорадки, продолжавшейся едва ли не неделю, он больше не мог встать – отказали ноги. Его лечили опытные европейские лекари, но ему становилось только хуже. Вскоре сам Иоанн узнал о болезни шурина и велел ему возвращаться в Москву.

И вскоре Данилу Захарьина по раскисшим дорогам везли в крытой повозке домой. Добирались тяжело и долго.

Наконец, во тьме повозка медленно въехала во двор Данилы Романовича. Дождь лил стеной. Холопы, освещая себе путь пламенниками, молча затворили за повозкой ворота. Подвезли прямо к крыльцу, чтобы не намочить больного. Когда носилки внесли в сени, раздался вой жены. Данила Романович лежал высохший и бледный, словно засушенный мертвец. Борода и волосы разом поседел. Он не видел того, что наконец приехал домой, не видел плачущей жены, кою сдерживал брат Василий Михайлович – он был в беспамятстве. В темной горнице, что за дверью сеней, на печке сидели молча дети боярина – сыновья Федя и Ваня, дочь Аннушка. Они наблюдали два дня страшную суматоху – матушка гоняла девок, те до блеска намывали дом (непонятно для кого), варили какую-то стряпню, стелили боярину ложе. И теперь их не пускают встретиться с отцом, велели сидеть тихо, а нынче из сеней слышали материнский плач. Притихли, словно испуганные птенцы, молчат, уже понимая, что с отцом плохо.

Едва живую Анну, супругу Данилы, увели, приехал Василий Сицкий. Встретился взглядом с Василием Михайловичем и тут же все понял, почуял, как внутри разом что-то оборвалось. И только смог выговорить и без того понятное:

– Совсем плох?

Василий Михайлович кивнул и жестом отозвал шурина в маленькую горницу. Заперев дверь, стояли и глядели друг на друга растерянно.

– Что делать станем? Он умирает, – шепотом проговорил Василий Михайлович.

– Он что-нибудь вообще сказал? Был в памяти? Что с ним произошло?

– Ничего не сказал, Никиту зовет...

Никита Романович прибыл тотчас – приехал верхом, промокший насквозь. Дворовые девки шарахнулись от неожиданности, когда увидели его, внезапно ворвавшегося в сени – высокого, широкогрудого, с русой коротко стриженной бородой. Не успел даже скинуть на руки холопов промокшую атласную ферязь, бросился в горницу, где лежал Данила. Вошел и тут же словно остолбенел. Утопая в подушках, лежал на широкой перине высохший старик. У многочисленных образов горели свечи, и от угара в горнице едва было чем дышать.

– Откройте хотя бы окно! Живо! – заревел в иступлении Никита Романович. Тут же мимо него прошмыгнула какая-то девка, низко опустив голову, отворила окна, и в душную, пропахшую свечным угаром горницу ворвался свежий воздух и запах дождя.

Затем, не замечая ничего вокруг, Никита Романович приблизился к ложу, на котором лежал Данила, больше похожий на тень свою, чем на самого себя.

– Никита... Это ты?

– Я, Данила, я, – шепотом отозвался Никита Романович и замолчал от внезапно перехватившего дыхание кома в горле. Дотронулся до холодной высохшей руки брата и глядел в его огромные темные глаза – казалось, лишь в них еще искрилась слабым огоньком жизнь.

– Вот и я... умираю, – проговорил невнятно Данила Романович, было видно, что язык не слушается его, – они смогли уничтожить меня. Но все это не важно... Тебе теперь вести нашу семью. Будь сильным, не дай пасть роду нашему...

Никита Романович молчал, глаза его застлала пелена слез. Он никогда не считал себя главой семьи и всегда знал, что не сможет быть таким, как Данила. Откуда взять силы на это?

– И еще, – продолжил Данила Романович, – береги жену и детей моих. Первую жену и трех детей я уже схоронил... Ты их сбереги... Будь им вторым отцом...

Никита закрыл глаза и кивнул. По щекам его скатились слезы.

– Рано я ухажу... Думал, застану, когда Ванечка, племянник наш, царем станет. Пусть учат их, как при мне учили... За этим тоже следи... Государя будущего тебе возвращать, – с усилием прошептал Данила Романович и глянул в сторону.

– Пришли... опять пришли, – выдохнул он и задышал часто, хрипя. Никита Романович с недоумением оглянулся – горница, конечно, была пуста.

– Адашевы... Два брата... и отрок... стоят... и смотрят... – заговорил Данила Романович и затрясся в сильной лихорадке, – я загубил... загубил...

– Лекаря! – громко позвал Никита Романович, не отрывая взгляда от страшной картины – оскалив зубы и выпучив свои огромные глаза, Данила Романович трясся, и на поредевшую седую бороду его клочьями летела пена. Два иностранных лекаря вбежали в горницу с какими-то склянками, начали хлопотать вокруг умирающего. Никита Романович опомнился, когда, пятясь, вышел за дверь. Там отдышался, вытер испарину со лба, обтер лицо от слез.

– Господин, – услышал он за спиной. Это стоял Гаврила, конюх Данилы, сопровождавший его в походе. Гаврила, широкий и низкий, как бочка, глядел виновато на Никиту Романовича, затем не выдержал, опустил глаза.

– Чего тебе?

Гаврила бухнулся на колени, зарыдал:

– Не уберегли... не уберегли! Там отравили его... там! Двое слуг пропали, Семен и Михайло... Едва с ним плохо стало, пропали, словно сквозь землю...

Никита Романович невольно скрипнул зубами. Так и знал, что свои предали! Подкупили их, иуд! И не достать теперь, ищи-свищи их по свету! А может, и их самих уже изничтожили. Никита Романович чувствовал, как его душит закипающая злоба, но он смог совладать с собой и промолвил лишь плачущему на коленях конюху:

– Ступай...

Тем временем, закрывшись в горнице, князь Сицкий и Василий Захарьин все еще обсуждали будущее их семьи.

– Наверное, Никитку оставит вместо себя, – предполагал Сицкий.

– Никитка больно добр и мягок, умом недалек, не замена Даниле! Ему поручить управу нашим родом? Ну уж нет! – негодовал Василий Михайлович.

– Что тогда делать станем? – спросил Сицкий. Помолчал Василий, подумал, хлебнул прямо из кувшина кваса и, вытерев рыжую бороду, выговорил:

– Слышал, что Басмановы Рязань отстояли, татар многих побили, самого крымского хана назад в степи прогнали... Слышал ведь?

– Слышал, – с недовольством отозвался Сицкий.

– Теперь нам нужно либо с ними, либо против них... Но без Данилы...

– Ну? – не вытерпел Сицкий, подавшись вперед.

– Дочка у тебя есть невенчанная? – Василий Михайлович глядел на него пристально, испытующе. Сицкий молчал, уже понимая, к чему клонит родич.

– Сын Басманова тоже молод, да не венчан. Сватать будем...

– Отчего ж мою? У тебя тоже дочь имеется! – выкрикнул с возмущением Сицкий.

– А того, что твоя старше! К тому же ты князь...

– И чего?

– И того! Не препирайся, выбирать не из чего! Я своей дочери применение найду, не переживай!

Сицкий поостыл, замолчал. Василий Михайлович снова жадно хлебнул из кувшина и закончил мысль:

– Сведем дочь твою с Федькой Басмановым... Жену упреди...

– А верно молвят, что Федька-то с государем содомским грехом... – проговорил Сицкий, но Василий Михайлович шикнул на него, топнув ногой:

– Молчи, глупец! Молчи!

Сицкий понуро опустил голову. Не хотел с Басмановыми безродными родниться, да еще дочь свою отдать молодому Басманову, за коим содомский грех... Прости Господи!

Двумя днями позже Басмановы с победой возвращались в Москву. Их встречала рукоплещущая толпа, радостно со всех колоколен звенели колокола. И, будто желая придать сему мгновению истинное счастье, наконец вышло солнце. Но грязь была всюду, в ней увязали лошади и обоз. Алексей Басманов ехал впереди вооруженного отряда всадников, облаченный в боевые доспехи, но без шлема. Одной рукой он держался за поводья, другая, раненная при обороне Рязани, висела на перевязи. Победа нынче далась тяжело, хоть боярин и воевал всю свою жизнь – и против Казани, и против Ливонии.

Нынче не победить было нельзя. Государь не зря отправил их с Федором туда, едва узнав, что крымский хан собирается с походом на рязанские земли. Алексей Федорович понимал, что государь ждал от него и Федора либо победы, либо их гибели в бою. Ждали хана все лето, но он не шел. Осенью с застав тут же доложили Басманову в Рязань, что появились крымчаки. Тогда-то боярин и решил испытать своего сына – приказал возглавить отряд для атаки на передовые отряды татар. Федор, ни слова не сказав, облачился в доспехи, вооружился, обнялся с отцом на

прощание и ушел. Алексей Федорович тем временем занимался укреплением города, в который с окрестных деревень со своим добром спешили перепуганные мирные жители. Федор одержал победу, вернулся, захватив пленников, коих тут же отправили в Москву, и начал помогать отцу. Огромное войско хана вскоре оказалось под стенами Рязани, которую хан пытался беспрерывно взять штурмом три дня. Тогда-то и ранен был Алексей Федорович шальной стрелой в боевую правую руку...

Рязань бы пала, не подойди к городу посланное Иоанном войско из Москвы. Оно ударило в тыл татарам, и в это время Басмановы организовали вылазку. Поняв, что его войско гибнет, крымский хан отступил, неся огромные потери. Тогда Алексей Федорович увидел своего сына в бою – обрызганный с головы до ног чужой кровью, оскалив зубы, он неистово рубил противника, и черные глаза его горели безумным огнем...

И вот Федор ехал рядом, так же без шлема, откинув на плечи свои смоляные волнистые волосы. Прямая спина, на губах довольная улыбка. Алексей Федорович искоса взглянул на сына. Видный молодец! В бою был хорош, токмо лишь не бережет себя. Сколько раз в гуще сражения оказывался, когда остальные ратники позади были – не дрогнул нисколько! Добрый воин, образованный муж, но есть одно – греховную связь с государем надобно закончить! Сором какой! Наверное, уже слухи потекли при дворе, по углам шепчутся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.